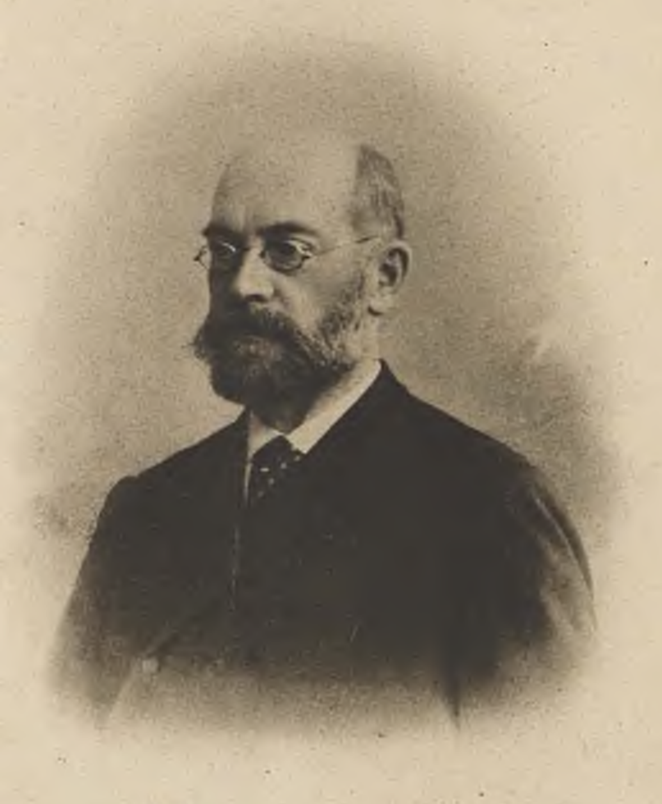


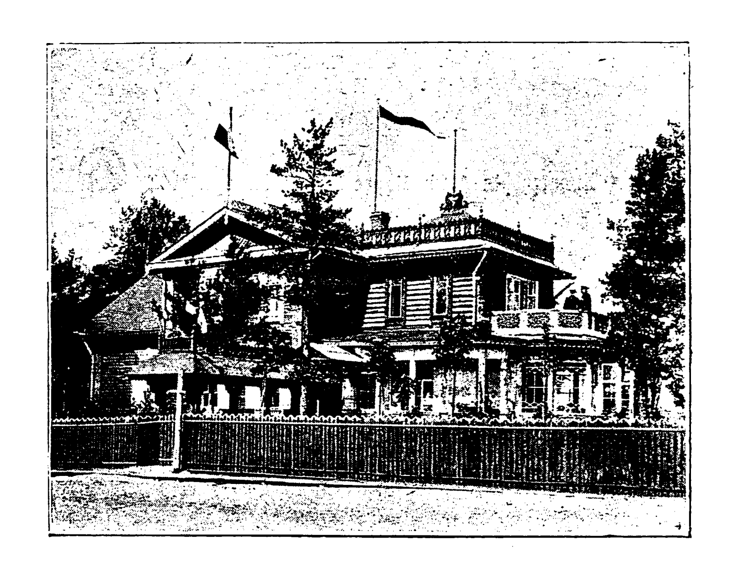
К. Случевскій

Печат. въ артист. завед. А. Ф. Маркса СПБ.

К. Случевскій.

„ПѢСНИ изъ УГОЛКА“.

Съ портретомъ автора.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

ПѢСНИ изъ УГОЛКА.

1895—1901.

ПОСВЯЩАЮТСЯ

А. А. Коринфскому и Н. А. Котляревскому.

Мы—разныхъ областей мышленья...
Мы—разныхъ силъ и разныхъ лѣтъ...
Отъ васъ мнѣ слово утѣшенья,
Отъ васъ мнѣ дружескій привѣтъ.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце въ насъ,
И мало схожими страстями
Мы жили въ тотъ, иль въ этотъ часъ.

Но есть невѣдомыя страны,
Гдѣ—въ единеніи святомъ—
Цвѣтутъ, какъ на Валгаллѣ, раны
Борцовъ, почившихъ вѣчнымъ сномъ.

Чѣмъ больше ранъ—тѣмъ цвѣтъ ихъ краше.
Чѣмъ глубже—тѣмъ расцвѣтъ пышнѣй!..
И въ этомъ, въ этомъ—сходство наше,
Друзья моихъ послѣднихъ дней.

1.

Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ,—
Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
Что ни къ чему теперь не годенъ,
Что полуслѣпъ, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ
Меня не въ силахъ сокрушить,
Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья
Всѣхъ прежнихъ силъ, на склонѣ лѣтъ,
Святое чувство примиренья
Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ...

Не такъ-ли въ рухляди, надъ хламомъ,
Изъ перегноя и трухи,
Растутъ и дышатъ ѳиміамомъ
Цвѣтовъ красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
    Пусть все безумно въ злобѣ дня,—
Доброжелательной улыбки
    Имъ не лишить теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
    Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ,—
Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
    Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
    Что всѣ должны быть прощены;
Я добръ—умомъ, я утѣшаю
    Тѣмъ, что въ безсильѣ всѣ равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
    Вошелъ мой тихій «Уголокъ»—
Возросшій въ грудахъ перегноя
    Очаровательный цвѣтокъ...

2.

Мой садъ оградой обнесенъ;
Въ моемъ дому живутъ, не споря;
Садъ весь къ лазури обращенъ—
Къ лицу двухъ рѣкъ и лику моря.

Тутъ люди кротки и добры,
Живутъ безъ скучныхъ пререканій;
Ихъ мысли просты, не хитры,
Въ нихъ нѣтъ нескромныхъ пожеланій.

Весь міръ, весь безконечный міръ —
Внѣ сада, внѣ его забора;
Тамъ цѣнность золота—кумиръ,
Тамъ столько крови и задора!

Здѣсь, очень рѣдко, иногда
Есть въ жизни грустныя странички:
Погибнетъ рыбка средь пруда,
Въ травѣ найдется тѣльце птички...

И ты въ мой садъ не приходи
Съ твоимъ озлобленнымъ мышленьемъ,
Его покоя не буди
Обиднымъ, гордымъ самомнѣньемъ.

У насъ нѣтъ мѣста для вражды!
Любовь, что этотъ садъ взрощала,
Чиста! Ей примѣси чужды,
Она тепломъ не обнищала.

Она, незримая, лежитъ
Въ корняхъ деревьевъ—тьмой объята,
И ею вся листва шумитъ
Въ часы восхода и заката...

Нѣтъ! Приходи въ мой садъ скорѣй
Съ твоей отравленной душою;
Близъ скромныхъ, искреннихъ людей
Ты пріобщишься къ ихъ покою.

Отсюда міръ, весь міръ, изъятъ
И, полный злобы и задора,
Не смѣя ринуться въ мой садъ,
Глядитъ въ него изъ-за забора...

3.

Какъ ты боишься привидѣній!
Повѣрь: они—твой личный бредъ;
Намъ съ міромъ мертвыхъ нѣтъ общеній
И между двухъ міровъ—запретъ.

Когда-бъ я мертваго увидѣлъ
Хоть мигъ одинъ, какъ видѣлъ ты,
Я-бъ этотъ мигъ возненавидѣлъ,—
Онъ сжегъ бы всѣ мои мечты.

Нельзя изъ моря снова въ рѣку
Былыя волны обратить;
Нельзя свершившемуся вѣку
Вернуться и грядущимъ быть.

Умершій сгинулъ безвозвратно,
Земное въ немъ завершено...
Что дальше? людямъ непонятно;
Безсмертье—плодъ, а мы—зерно!

Нѣтъ между двухъ міровъ общеній;
Кто умеръ, тотъ, какъ лучъ, погасъ,—
Въ немъ плоти нѣтъ для проявленій,
Онъ не воздѣйствуетъ на насъ.

Загробный міръ—необходимость
Въ великой логикѣ причинъ,
Но тутъ возможна совмѣстимость:
И оба міра—лишь одинъ!

Да, для обителей загробныхъ
Не нужно вовсе сферъ иныхъ,
Такихъ, которымъ нѣтъ подобныхъ
Въ подлунной, на путяхъ земныхъ.

Быть-можетъ, тутъ-же, между нами
Способны мертвые витать
И мы обвѣяны душàми.....
Но ихъ—ни видѣть, ни признать!

И я привѣтствую порою
Мечту чудеснѣй всѣхъ другихъ:
Я живъ, но мертвые со мною,
Они при мнѣ и я при нихъ.

4.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ —
Живой покой, святая тишина,
Все пóлно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!

И, если мгла за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ слегка скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого немыслимо сознанью:
Мнѣ жаль, что — мгла, но мнѣ спокойно жаль...

Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забытьи,—

Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
Не искупятъ безвременныхъ мученій,
Всегда идущихъ оргіямъ вослѣдъ...

Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,—
Въ немъ нерушимъ довременный покой;
Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя — желанный и родной!..

5.

Какая ночь! Зашелъ я въ хату,
Весь лѣсъ лучами озаренъ
И, какъ по кованному злату,
Тѣнями ночи зачервленъ.

Сквозь крышу, крытую соломой,
Мнѣ мнится — будто я цвѣтокъ
Съ его полуночной истомой,
Съ сіяньемъ мѣсяца у ногъ!

Вся хата — то мои покровы,
Мой цвѣтень и листва моя...
Должно быть, всѣ цвѣты дубровы
Теперь мечтаютъ такъ, какъ я!

6.

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но—сокрушите помысломъ скалу,
Дыханьемъ груди солнце загасите,
Огнемъ костра согрѣйте ночи мглу!..

Воспоминанья—вѣчныя лампады,
Былой весны чарующій покровъ,
Страданій духа позднія награды,
Послѣдній слѣдъ когда-то милыхъ сновъ.

На склонѣ лѣтъ живешь, годами сѝгнутъ,
Одна лишь память свѣтитъ на пути...
Но, если вдругъ воспоминанья дрогнутъ,—
Погаснетъ все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкія монеты!
Когда другихъ монетъ не отыскать—
Онѣ пригодны! Цѣлые банкеты
Воспоминанья могутъ задавать.

Бѣда, бѣда, когда средь нихъ найдется
Стыдъ иль пятно въ свершившемся быломъ!
Оно къ банкету скрытно проберется
И тѣнью Ба̀нко сядетъ за столомъ.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

7.

Гдѣ, скажите мнѣ, та высь небесъ лазурная,
Ночь—объявшая Татьяну полумглой,
Гдѣ тревога та пугливая и бурная,
Прогудѣвшая надъ дѣвичьей душой?

Няня гдѣ ея? Съ любовью неизмѣнною,
Съ Таней жившая всѣмъ сердцемъ за-одно,
Съ рѣчью ласковою, сѣдиной почтенною,
Крѣпко вѣрившая въ то, что̀ суждено?

Гдѣ, скажите мнѣ, тотъ смыслъ живого генія,
Тотъ полуденный въ саду старинномъ свѣтъ,
Что присутствовали при словахъ Евгенія,
Танѣ давшаго свой рыцарскій отвѣтъ?

Гдѣ кипѣвшая живымъ ключомъ страсть Ленскаго?
Скромность общая имъ всѣмъ, движеній чинъ?
Эта правда, эта прелесть чувства женскаго,
Эта искренность и честность у мужчинъ?

8.

Вы — думы яркія, мечтанья золотыя,
Живыя дѣтища живой души моей,
Рождайтесь въ добрый часъ, плодитесь, свѣтовыя,
Являйтесь въ полчищахъ блистанья и тѣней!

Большія полчища, живущія внѣ тлѣнья,
Во мнѣ возникшія, но видныя другимъ,
Непостижимыя наукой воплощенья, —
Вы — не мерцаніе, не призраки, не дымъ.

Въ васъ ясно зримыя свидѣтельства мелькаютъ
Того, что области безсмертья — не мечты!
Что, такъ иль иначе, отъ нихъ къ намъ достигаютъ
И чувствуются намъ нетлѣнія черты...

Я буду умирать! Со мною, обмирая,
Но все еще живя, сверкая и звеня,
Мечта и мысль, законамъ уступая,
Начнутъ вдругъ отходить куда-то отъ меня —

Въ непостижимое, въ неясное, въ нѣмое—
Въ слои невѣдомые «множества жилищъ»...
И съ ними отойдетъ все то полуземное,
Въ чемъ богомъ я бывалъ, родившись слабъ и нищъ...

И, можетъ-быть, тогда, какъ эха откликъ нѣжный,
Въ иной загробный міръ я имъ вослѣдъ пройду—
Какъ и они, живой, свободный, безмятежный—
И личностью своей вполнѣ не пропаду...

9.

Дайте, дайте мнѣ, долины наши ровныя,
Вашей ласковой и кроткой тишины!
Сны младенчества счастливые, безкровные,
Если-бъ были вы второй разъ мнѣ даны!

Если-бъ все,—да, все,—что было и утрачено,
Что бѣжитъ меня, опять навстрѣчу шло,
Что теперь совсѣмъ не мнѣ — другимъ назначено,
Но въ минувшій срокъ и для меня цвѣло!

Если-бъ это все возникло по прошедшему, —
Какъ съумѣлъ-бы я мгновенье оцѣнить,
И себя въ себѣ негаданно нашедшему
Довелось бы жизнь изъ полной чаши пить!

А теперь я что? Я — пѣсня въ подземеліи,
Слабый лунный свѣтъ въ горячій полдня часъ,
Смѣхъ въ рыданіи и тихій плачъ въ веселіи...
Я — ошибка жизни, не въ послѣдній разъ...

10.

Сквозь оболочку праха, пыли, тлѣнья,
Сквозь насъ, блуждающихъ подъ именемъ людей,
Проходятъ иногда живыя представленья
Безсмертныхъ, божескихъ, зиждительныхъ идей!

Кто такъ глубо̀ко палъ, что въ немъ не возникали
Идеи вѣчности, добра и красоты,—
Тому не прозрѣвать въ заманчивыя дали
Путей къ безсмертію! Къ нимъ сломаны мосты!

Но тотъ, въ комъ Божій духъ скитался сокровенно,
Въ комъ, такъ иль ѝначе, онъ хоть на мигъ гостилъ,—
Тотъ въ вѣчность перейдетъ безспорно, несомнѣнно,
Хотя-бы онъ совсѣмъ разсыпался и сгнилъ.

Не тѣмъ, что̀ можетъ тлѣть, не временною тканью—
Духовной личностью онъ Бога принималъ
И этимъ таинствомъ пришелъ къ неумиранью—
Будь онъ преступникомъ, будь онъ великъ иль малъ.

Гдѣ, какъ, когда, какимъ путемъ—не знаю,
Но онъ не можетъ быть безслѣдно сокрушенъ...
Не столько думаю, насколько постигаю,
Что даже обликъ свой вовѣкъ удержитъ онъ...

11.

Да, да, когда я молодъ былъ,
Я такъ-же—какъ и ты—судилъ
И точно такъ-же, какъ и ты,
Бывалъ игрушкой злой мечты!
Мы—отступающая рать—
Перестаемъ васъ понимать...
Еще потопъ не наступалъ,
Когда братъ брата убивалъ;
Чуть отжилъ вѣкъ Маѳусаилъ,
Отецъ осмѣянъ сыномъ былъ!
Вы—верхъ возьмете, мы—падемъ,
Какъ Цезарь, скрывъ лицо плащомъ...
Хоть знаютъ всѣ: Брутъ честенъ былъ,
Когда свой ножъ окровянилъ;
Но, при Филиппахъ, иногда
Всплываетъ мщенія звѣзда...
Сегодня при Филиппахъ—мы!
Къ намъ призракъ движется изъ тьмы,
Онъ въ васъ, онъ—съ вами заодно...

Но всѣмъ вамъ то-же суждено...
Да, нашей юности вина
Въ наслѣдство вамъ передана;
Падете вы, какъ мы падемъ,—
Но скроете-ль лицо плащомъ?

12.

Не можетъ свѣтъ луны надъ влагой
Покровомъ лечь,—идетъ до дна;
Лишь блестки съ дерзкою отвагой
Плывутъ, и ихъ дробитъ волна.

Но если свѣтъ къ плитѣ могильной
Опустится—ковромъ лежитъ,
Блѣднѣя въ немощи безсильной
Проникнуть глубже подъ гранитъ.

Луна блеститъ, не сознавая;
Все дѣло въ томъ: гдѣ свѣтъ падетъ?
Я—свѣтъ луны; ты, дочь родная,
Будь свѣтлымъ лономъ чистыхъ водъ.

13.

Часто съ тобою мы спорили..
Умеръ! Осилить не могъ
Сердцемъ правдивымъ и любящимъ
Мелкихъ и крупныхъ тревогъ.

Кончились споры. Знать, правильнѣй
Жилъ ты, не вкривь и не вкось!
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—
Сердце твое порвалòсь...

14.

Сколько хорошихъ мечтаній
Люди убили во мнѣ;
Сколько сгубилъ я дѣяній
Самъ, по своей-же винѣ...

Въ жизни: комедіи, драмы,
Оперы, фарсъ и балетъ
Ставятся въ общія рамы
Повѣсти множества лѣтъ...

Я доигрался! Я—дòма!
Скроменъ, спокоенъ и правъ,—
Ножъ и пилу анатома
Съ вѣтвью оливы связавъ!

15.

Предъ великою толпою
Музыканты исполняли
Что-то полное покоя,
Что-то близкое къ печали;

Скромно плакали гобои
Въ изліяньяхъ пасторальныхъ,
Кружевные лились звуки
Въ чудныхъ фразахъ музыкальныхъ...

Но толпа вокругъ шумѣла:
Ей нужны иныя трели!
Спой ей пѣсню о безумьѣ,
О поруганной постели;

Дай ей рѣзкихъ полутоновъ,
Тактомъ тактъ перешибая,
И она зарукоплещетъ,
Ублажась и понимая...

16.

Порой хотѣлось бы всѣхъ вѣяній весны
И разноцвѣтныхъ искръ чуть выпавшаго снѣга,
Мятущейся толпы, могильной тишины,
И тутъ-же свѣтлыхъ сновъ спокойнаго ночлега!

Хотѣлось бы, чтобъ степь вокругъ меня легла,
Чтобъ было все мертвò и царственно молчанье,
Но чтобъ въ степѝ рѣка могучая текла,
И въ заросляхъ ея звучало трепетанье.

Ущелій Терека и береговъ Днѣпра,
Парижской толчеи, безлюдья Іордана,
Альпійскихъ ледниковъ живого серебра,
И римскихъ катакомбъ, и лилій Гулистана.

Возможно это все, но каждое въ свой срокъ
На протяженіяхъ великихъ разстояній,
И надо ожидать и надо, чтобъ ты могъ
Направить къ нимъ пути своихъ земныхъ скитаній, —

Тогда какъ помысловъ великимъ волшебствомъ
И полной мощностью всѣхъ силъ воображенья,
Ты можешь все имѣть въ желаніи одномъ,
Здѣсь, подлѣ, вкругъ себя, сейчасъ, безъ промедленья!

И ты въ себѣ самомъ—владыка изъ владыкъ,
Родникъ таинственный—ты самъ себѣ природа,
И міръ души твоей, какъ Божій міръ, великъ,
Но больше, шире въ немъ и счастье, и свобода...

17.

Въ темнотѣ осенней ночи—
Ни луны, ни звѣздъ кругόмъ,
Но ослабнувшія очи
Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
Память вздумала играть:
Какъ бенгальскими огнями—
Начинаетъ въ ночь стрѣлять,—

Синій, красный, снова синій...
Скорострѣльная пальба!
Сколько пламенныхъ въ ней линій,—
Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова—
Все погаситъ, все зальетъ,
Даже облика Петрова
Не щадитъ, не бережетъ,

Загашаетъ... Но упорна
Память царственной руки:
Царь ударилъ въ щёку Горна,
И звучитъ ударъ съ рѣки.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

18.

О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь
Лежитъ душа и страстно увлекаетъ;
Сознанье дóлга тотъ-же самый путь,
Но только медленно, тихонько, совершаетъ!

И долгъ исполнить свой—не то, не то совсѣмъ,
Что чувству вслѣдъ идти. Пускай порывы ложны,
Пусть опрометчивы; въ порывахъ умъ нашъ нѣмъ,
Но подвиги людей и безъ ума возможны.

Въ нихъ что-то высшее руководитъ душой,
Мученья—нипочемъ, радъ гибнуть въ ореолѣ;
И чувствуетъ душа въ себѣ тотъ самый строй,
Чтó чувствовалъ Донской на Куликовомъ полѣ.

〰〰〰

19.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
И нѣдра ихъ полны холодной тишиною...
Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются нимфей дремавшихъ сѣмена,
И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
Открыла полыньи̂ и ярко въ нихъ играетъ!

Запасъ подземныхъ силъ уже давно не спитъ,
Онъ двигается весь, прикормленъ глубиною;
Онъ вòды, въ прòзелень окрасивъ, породнитъ
Съ глубоко теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая вѣкъ,—
Какими ты къ веснѣ пробудишься ростками?
Сплетенья корневищъ потребуютъ просѣкъ,
Чтобы согрѣть тебя весенними лучами.

И въ заросляхъ твоихъ, безмолвныхъ и густыхъ,
Одна надежда есть, одна—на обновленье:
Субботній день къ концу... Послѣдній изъ твоихъ...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

20.

Чуть глянулъ жаръ румянаго востока;
Всѣ въ домѣ спятъ и благовѣста нѣтъ,
Въ косыхъ лучахъ домъ блещетъ непривычно,—
Такъ днемъ его не освѣщаетъ свѣтъ.

Послѣднихъ сновъ послѣднія видѣнья
Бѣгутъ, бѣгутъ, готовясь исчезать...
О, если-бъ имъ, хоть одному, запнуться
И въ свѣтлый день дѣйствительностью стать!

21.

Вотъ—мои воспоминанья:
Прядь волосъ, письмо, платокъ,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образокъ...

Но—за теменью былого—
Въ именахъ я съ толку сбитъ.
Кто они? Не дать-ли слова,
Что и я, какъ тѣ, забытъ!

Въ этомъ—времени учтивость,
Завершеніе всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

22.

Отъ горизонта поднимаясь,
Гонима кверху вѣтеркомъ,
Всплываетъ туча, выростаетъ
И воздвигается столбомъ.

Какъ-бы листвою развѣтвляясь,
Сокрывъ отъ глазъ людскихъ зенитъ,
Она чудовищною пальмой
Надъ моремъ блещущимъ виситъ.

Въ чемъ правда тутъ? Что несомнѣннѣй:
Игра-ли свѣта въ облакахъ,
Иль облака, иль волны моря,
Иль отблескъ ихъ въ моихъ глазахъ?

И самъ я въ жизни что такое?..
Мнѣ мнится: я одинъ живу,
Весь міръ—мое лишь сновидѣнье,
Моя-же греза—на-яву!

23.

Всегда, всегда несчастливъ былъ я тѣмъ,
Что всѣ тѣ женщины, что близки мнѣ бывали,
Смѣялись творчеству въ стихахъ! Былъ духъ ихъ нѣмъ
Къ тому, что̀ мнѣ мечтанья навѣвали.

И ни въ одной изъ нихъ, ни мало, никогда
Не могъ я вызывать отзывчивыхъ мечтаній...
Не къ нимъ я, радостный, спѣшилъ въ тотъ часъ, когда
Являлся новый стихъ счастливыхъ сочетаній!

Не къ нимъ, не къ нимъ съ новинкой я спѣшилъ,
Съ открытою, еще дрожавшею, душою
И приносилъ цвѣтокъ, что самъ я опылилъ,
Цвѣтокъ, дымившійся невысохшей росою.

24.

Мельчаютъ, что ни день, людскія поколѣнья!
Одинъ иль два удара въ нихъ судьбы, —
Какъ паралитики лишаются движенья,
Какъ неврастеники являютъ изступленья,
И спины ихъ сгибаются въ горбы.

О, сколько хилости и вырожденій съ дѣтства!
И имъ-то, слабымъ, въ будущемъ грозятъ
Такія страшныя задачи и наслѣдства
Особыхъ способовъ и видовъ людоѣдства,
Какихъ не знали сорокъ лѣтъ назадъ.

Простите, дѣти, насъ, преступныхъ передъ вами...
Природа-мать, призвавъ отцовъ любить,
Ихъ незамѣтными опутала сѣтями,
И вы, несчастные, рождались матерями,
Не знавшими, какъ вамъ придется жить...

25.

Съ простымъ толкую человѣкомъ...
Телѣга, лошадь, входъ въ избу...
Хвалю порядокъ въ огородѣ,
Хвалю оконную рѣзьбу.

Все—дѣло рукъ его... Какая
Въ немъ скромныхъ мыслей простота!
Не можетъ пошатнуться вѣра,
Не можетъ въ ростъ пойти мечта.

Онъ тридцать осеней и вёсенъ
Къ работѣ землю пробуждалъ;
Вопросъ о томъ: зачѣмъ все это —
Въ немъ никогда не возникалъ.

О, какъ жестоко подавляетъ
Меня спокойствіе его!
Обидно, что признанье это
Не измѣняетъ ничего...

Ему — раёкъ въ театрѣ жизни,
И слезъ, и смѣха простота;
Мнѣ — злобы дня, сомнѣнья, мудрость
И — на̀ вѣсъ золота мѣста!

〰〰〰

26.

Слабѣетъ свѣтъ моихъ очей,
Я самъ не свой и я ничей;
Отвергнутъ строемъ бытія,
Не знаю самъ: живу-ли я?
Пѣвецъ! Одинъ лишь ты, пѣвецъ,
Ты, Бога свѣтлый посланѐцъ,
Слѣпцу, когда начнешь ты пѣть,
Даешь опять на міръ глядѣть...
Какъ всѣ — живу, какъ всѣ — смотрю
И вижу море и зарю
И чуднымъ пѣніемъ твоимъ
Живу, какъ всѣ, и равенъ имъ.
Заслышавъ пѣснь, я воскресалъ...
Жизнь, жизнь, ты — радостный хоралъ!
Прозрѣлъ я и признать готовъ,
Что люди — этотъ міръ слѣпцовъ —
Не знаютъ, видѣть не хотятъ,
Какъ жизни радостенъ нарядъ;
Какъ мнѣ—ослѣпнуть надо имъ,

Чтобъ въ счастьѣ видѣть имъ не дымъ;
Тогда тебя они поймутъ,
Пѣвецъ... Когда ты подлѣ, тутъ
И не ушелъ, — мнѣ не видать, —
Запой скорѣй, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влачиться буду, прахъ земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя... Но только пой мнѣ, пой!
Взгляни: ты видишь — я слѣпой!

27.

Ты часто такъ на снѣгъ глядѣла,
Дитя архангельскихъ снѣговъ,
Что мысль въ очахъ обледенѣла,
И взглядъ твой холодно-суровъ.

Бѣги! Направься къ странамъ знойнымъ,
Къ морямъ, не смѣвшимъ замерзать:
Онѣ дыханіемъ спокойнымъ
Принудятъ взглядъ твой запылать.

Тогда изъ новыхъ сочетаній,
Гдѣ югъ и сѣверъ въ связь войдутъ,
Возникнетъ міръ очарованій
И въ немъ — кому-нибудь пріютъ...

28.

И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ
И предъ собой могу воспроизвесть,
Какъ это будетъ въ часъ, когда умру я,
Какъ дрогнетъ все, что̀ предъ глазами есть.

Какъ полетятъ повсюду извѣщенья,
Какъ потеряетъ голову семья,
Какъ соберутся, вступятъ въ разговоры,
И какъ при нихъ безмолвенъ буду я.

Живыя связи разлетятся прахомъ,
Возникнутъ сразу всякія права̀,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сиротъ появится вдова.

Въ тепло семьи дохнётъ морозъ закона,—
Быть-можетъ, самъ я вызвалъ тотъ законъ;
Не долженъ онъ, не можетъ ошибаться,
Но и любить—никакъ не можетъ онъ.

И мнѣ никто, никто не поручи̇тся,—
Я видѣлъ самъ, и не одинъ примѣръ:
Какъ между близкихъ, самыхъ близкихъ кровныхъ,
Вдругъ проступалъ созрѣвшій лицемѣръ...

И это все, что̀ здѣсь съ такой любовью,
Съ такимъ трудомъ успѣлъ я насадить,
Ему, спокойной, смѣлою рукою —
Призвавъ законъ—удастся сокрушить...

29.

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ,
И тихо льетъ тепло съ лазурной вышины,
И, если память мнѣ въ конецъ не измѣняетъ,
Я въ дѣтствѣ раза три не замѣчалъ весны,—

Не замѣчалъ того, какъ мнѣ дышалось чудно,
Какъ мчались журавли и какъ цвѣла сирень...
Десятки лѣтъ прошли; ихъ сосчитать не трудно,
Когда бы сосчитать не возбраняла лѣнь!

Не велико число! Но собранный годами
Скарбъ жизни такъ великъ, такъ много груза въ немъ,
Что, если-бы грузить—пришлось-бы кораблями,
Водою отправлять, а не инымъ путемъ...

Противорѣчія красотъ и безобразій,
Громадный хламъ скорбей, сомнѣній и обидъ,
Воспоминанія о прелестяхъ Аспазій,
Труды Сизифовы и муки Данаидъ,

Мученья Тàнтала, обманы сына, брата,
Порывы глупостей, подъ-рядъ или въ-разбродъ;
Въ однихъ я шествовалъ на подвигъ Герострата,
Въ другихъ примѣромъ мнѣ являлся Донъ-Кихотъ...

Шестидесятый разъ снѣгъ предо мною таетъ...
Лазурна высь небесъ, въ поляхъ ручьи журчатъ...
Какъ много жизнь людей всего, всего вмѣщаетъ,
И что же за число въ двѣ цифры—шестьдесятъ!...

30.

Когда больной умретъ, и кончится со смертью
Ужасный, длинный рядъ мучительныхъ мытарствъ,
Врачей и фельдшеровъ замѣнитъ духовенство,
Исчезнетъ всякій слѣдъ сидѣлокъ и лѣкарствъ;

Когда сокроются подъ насыпью могилы,
Какъ призракъ тягостный, какъ отлетѣвшій сонъ,
Лицо поблекшее, морщинистыя руки,
Вся некрасивая обрядность похоронъ,—

Въ девятый день по немъ, вотъ вы когда ступайте
Къ нему, къ умершему, кто для земли угасъ,—
Небытія живымъ, святымъ проникновеньемъ
Увѣковѣченный, онъ станетъ между васъ!

Небытіе — не смерть и не ничто! Не можетъ
Тотъ, кто не возникалъ, пройти въ небытіе!
Въ небытіи людей — особый обликъ жизни
И несомнѣнное безсмертіе мое!

31.

Съ высоты горы высокой,
За рѣкой и вдоль рѣки,
Въ темнотѣ ночной глубокой
Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснутъ,
Будто имъ горѣть не впрокъ,
Будто малыя завѣсы
Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горятъ и въ жизни нашей
Огоньки отъ юныхъ дней!
Всѣ ихъ къ сроку гаситъ время...
Смотришь: больше нѣтъ огней...

Вотъ завѣшаны надежды,
Вотъ задвинуты мечты,
Скрылась бодрость, скрылись силы...
Огонекъ, да гдѣ-же ты?..

Всё завѣсы да завѣсы;
Всё темнѣетъ... А потомъ?
Саванъ бѣлый... Тотъ завѣситъ
Человѣка — цѣликомъ.

32.

Вотъ она — великая трясина!
Ходу нѣтъ ни въ лодкѣ, ни пѣшкомъ.
Обмотала наши вёсла тина,—
Зацѣпиться нѐ за что багромъ...

Въ тростникѣ и мглисто, и туманно.
Солнца ликъ — и свѣтелъ, и высокъ,—
Отраженъ трясиною обманно,
Будто онъ на дно трясины легъ.

Нѣтъ въ ней дна. Лежатъ въ листахъ нимфеи,
Островки, луга болотныхъ травъ;
Вотъ по нимъ пройтись-бы! Только феи
Ходятъ здѣсь, травинокъ не помявъ...

Всюду утки, дупеля̀, бекасы!
Бьешь по уткѣ... взялъ... нельзя достать;
Міръ лягушекъ громко точитъ лясы,—
Словно дразнитъ: «Для чего-жъ стрѣлять?»

Вы, кликуши, вѣщія лягушки,
Подождите: вотъ придетъ пора,—
По болотамъ мы начнемъ осушки,
Проберемъ трясину до нутрà.

И тогда... Ой, братцы, осторожнѣй!
Не качайтесь... Лодку кувырнёмъ!
И лягушки раньше насъ потопятъ,
Чѣмъ мы ихъ подсушивать начнемъ...

33.

Старый дубъ листвы своей лишился
И стоитъ умершій надъ межою;
Только вѣтви кажутся плечами,
А вершина мнится головою.

Пріютилъ онъ, будучи при жизни,
Спротинку-сѣмя, что летало,
Далъ ему въ корняхъ найти мѣстечко,
И оно тихонько задремало.

И всползла по дубу павилика,
Мертвый остовъ зеленью одѣла,
Разубрала листьями, цвѣтами,
Придала, какъ-будто, обликъ тѣла!

Вѣтерокъ несется надъ межою;
Павилика вѣнчики качаетъ...
Старый дубъ въ обличіи забытомъ
Оживаетъ, право—оживаетъ!

34.

При свѣтѣ трепетномъ лампады въ часъ ночной
Идутъ умершіе бесѣдовать со мной,
И въ скромномъ обществѣ мнѣ близкихъ и родныхъ
Мой духъ смиряется, и сонъ мой будетъ тихъ.

Ты, милое дитя, ты, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срокъ земного бытія,
Ты въ часъ сомнѣнія, печали, иль любви
Меня, загробнаго, къ совѣту призови!

И я приду тогда, неслышимъ и незримъ!
Я буду пѣстуномъ внимательнымъ твоимъ;
Прохладой тихою тебя я опахну,
Нетлѣннымъ окомъ я въ тайникъ души взгляну,

Я слово ласковое шопотомъ скажу,
Стези невѣдомыя сердцу укажу
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: «Смѣни меня, а я—опять усну!..»

35.

Если-бъ все, что̀ упадаетъ
Серебра съ луны,
Все, что̀ золота роняетъ
Солнце съ вышины —

Ей снести... Она-бъ сказала:
«Милый мой піитъ,
Ты того мнѣ дай металла,
Что̀ въ землѣ лежитъ!»

36.

Изъ моихъ печалей скромныхъ,
Не пышны̀, не высокѝ,
Вы, непрошены, растете,
Пѣсенъ пестрые цвѣтки.

Ты въ спокойную минуту
На любой взгляни цвѣтокъ...
Посмотри —въ немъ много правды!
Онъ безъ слезъ взрости не могъ.

Въ этой пѣснѣ—часъ страданій,
Въ этой—долгой ночи страхъ,
Въ этихъ—мѣсяцы и годы...
Все откликнулось въ стихахъ!

Горе сердца—даръ небесный,
И цвѣты его пышнѣй
И куда, куда душистѣй
Всѣхъ цвѣтовъ оранжерей.

37.

Воды немного, нѣсколько солей,
Снабженныхъ слабою, животной теплотою,
Зовется издавна и по-просту слезою...
Но развѣ въ томъ опредѣленье ей?

А тихій вздохъ людской? То—груди содроганье,
Освобожденье углекислоты?!.
Опредѣленія, мутящія сознанье
И полныя обидной пустоты!

38.

Не въ томъ бѣда, что разны состоянья,
Что во враждѣ бѣдняга и богачъ,
Что трудъ неравенъ, неравны призванья,
Что есть на свѣтѣ слабый и силачъ!

Всѣ сумасшедшіе, что быстро такъ плодятся,
Въ комъ нѣтъ ума—уходятъ вглубь больницъ...
Въ комъ сердца нѣтъ—тѣмъ радостно кататься,
Взирать на міръ съ ихъ пышныхъ колесницъ!

Сердецъ раздайте! Чтобъ они стучали
Во всѣхъ грудяхъ, чтобъ имъ былъ полный счетъ,
Чтобъ тѣ, что есть, въ конецъ не замирали,—
Чтобъ чувствамъ былъ прямой и полный ходъ.

Съ дѣтей начните! Вотъ откуда надо
Мѣнять судьбы, дорогу указавъ,
А не съ параграфовъ законовъ, или ряда
Уравновѣшеній и раздѣленій правъ.

39.

Нѣтъ никогда, никто всей правды не узнаетъ
Позора твоего земного бытія.
Толпа свидѣтелей съ годами вымираетъ
И не по волѣ, нѣтъ, случайно, знаю я.

Оправдывать тебя—никто мнѣ не повѣритъ;
Меня сообщникомъ, пожалуй, назовутъ;
Всѣ люди про запасъ, на случай, лицемѣрятъ
Чтобъ обѣлить себя, виновныхъ выдаютъ!

Но, если глянетъ часъ послѣднихъ показаній,
Когда все бренное торжественно сожгутъ
Пожары всѣхъ міровъ и всѣхъ ихъ сочетаній,—
Людскія совѣсти проступятъ и взойдутъ,

И зацвѣтутъ онѣ не дерзко—торопливо,
Не въ дикомъ ужасѣ, всей сутью трепеща;
Нѣтъ, совѣсти людей проступятъ молчаливо,
Въ глухомъ безмолвіи лишь обликомъ крича!

Тогда увидятся такія вырожденья,
Что ты—въ единственной, большой винѣ своей—
Проглянешь, въ затхлости посмертнаго цвѣтенья,
Чистѣйшей лиліей, красавицей полей.

40.

Да, да! Всю жизнь мою я жадно собиралъ,
Что было мило мнѣ! Такъ я друзей искалъ,
Такъ—памятью былыхъ, полузабытыхъ дней—
Хранилъ я множество незначащихъ вещей!
Я часто Плюшкинымъ и Гарпагономъ былъ,
Совсѣмъ ненужное старательно хранилъ.

Мнѣ думалось, что я не буду сиръ и нагъ,
Имѣя свой родной, хоть маленькій, очагъ;
Что въ миломъ обществѣ любезныхъ мнѣ людей,
Въ живомъ свидѣтельствѣ мнѣ памятныхъ вещей
Себя, въ кругу своемъ, отъ жизни оградивъ,
Я дольше, чѣмъ я самъ, въ вещахъ останусь живъ;
И дерзко думалъ я, что мертвому вослѣдъ
Все это сберегутъ хоть на немного лѣтъ...

Что-жъ? Ежели не такъ и все въ ничто уйдетъ,
Въ томъ, видно, суть вещей! И я смотрю впередъ,
Познавъ, что жизни смыслъ и назначенье въ томъ,
Чтобъ сокрушить меня и, мнѣ вослѣдъ, мой домъ,
Что мѣста требуютъ другіе, въ жизнь скользя,
И отвоевывать себѣ свой кругъ—нельзя!

41.

Когда въ семьѣ—психически-больной,
Вы не касайтесь даже стороной
Болѣзни тягостной и всѣхъ ея причинъ,
Что̀ было поводомъ и въ чемъ ея починъ.

Шутилъ-ли дѣдъ и слѣдомъ шутки той
Явился внукъ психически-больной;
Родной отецъ его жилъ долго, былъ здоровъ,
И только передалъ отъ дѣда слѣдъ грѣховъ?..

Кто знаетъ, какъ, за чей старинный счетъ
Родился вдругъ въ семействѣ идіотъ
И обезпечены доходности врачей
Въ развитьи медленныхъ и злыхъ параличей!

А мы... Не наша-ль общая вина,
Что та иль эта жизнь теперь темна?..
Мы были добрыми и злыми невпопадъ
И, подтолкнувъ съ горы, кричимъ теперь: «Назадъ!»

42.

Все чаще говорить приходится—«забылъ»,
И все яснѣе мнѣ, что я совсѣмъ «усталъ»;
Все чаще слышатъ тѣ, съ кѣмъ говорю—«я былъ»,
И, что ни день, твержу все чаще—«я желалъ».

Все рѣже сознаю, что «радость ждетъ меня»,
Совсѣмъ не говорю—«я жажду, я ищу»;
И въ слабыхъ проблескахъ темнѣющаго дня,
Оскудѣвающій, надѣюсь и молчу...

43.

А знаете-ли вы, что ясной мысли вслѣдъ
Идти возможно; тутъ неправды нѣтъ...
Идешь какъ-будто-бы на чьихъ-то помочахъ,
И видится не то, что̀ значится въ очахъ;
Звучитъ безмолвное, звучащее—молчитъ,
И окружающаго нѣтъ... Вокругъ лежитъ
Какъ-бы дѣйствительность, міръ нашему чужой,
Безличный въ личностяхъ, ни мертвый, ни живой...
И боль физическая можетъ иногда
Не чувствоваться, не давать слѣда...
Чудесенъ путь по области идей...
Міръ, явленный на свѣтъ въ восьмой изъ первыхъ дней!
Ты—внѣ обязанностей, внѣ обычныхъ правъ:
Ни добръ, ни золъ, ни честенъ, ни лукавъ...

И если-бъ пуля дать отвѣтъ могла,—
Зачѣмъ она не тутъ, а тамъ и такъ, легла,
Зачѣмъ стремительно, безъ воли, безъ ума,
Цѣль раздробивъ, расплюснулась сама,—

Вотъ, думается мнѣ, отвѣтъ ея простой:
«Со мною было то, что̀ было и съ тобой!
При чемъ желанье тутъ—мое, или твое?
Я неповинна... Я—исполнила свое»...

Все чаще, что ни день, чтобы спокойнѣй быть,
Любовно я люблю за мыслью вслѣдъ бродить;
Безмѣрно вѣруя въ живую власть ума
И въ то, что будетъ свѣтъ тамъ, гдѣ витаетъ тьма...
Все отвратительно, нѣтъ правды, нѣтъ основъ;
Свободна и свѣтла лишь только жизнь умовъ!

44.

Ты не гонись за риѳмой своенравной
И за поэзіей,—нелѣпости онѣ;
Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной,
Съ зарею плачущей на каменной стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣнъ не существуетъ,
Да и княгини нѣтъ уже давнымъ-давно;
А все какъ-будто, бѣдная, тоскуетъ,
И отъ нея не все, не все схоронено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
Слова—не плоть... Изъ риѳмъ одеждъ не ткать!
Слова безсильны дать существованье,
Какъ нѣтъ въ нихъ также силъ на то, чтобъ убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоитъ стѣна;
На ней, я вижу, ходитъ Ярославна
И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми всѣ пѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
И насъ, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть пѣснѣ, смерть! Пускай не существуетъ!..
Вздоръ риѳмы, вздоръ стихи! Нелѣпости онѣ!..
А Ярославна всетаки тоскуетъ
Въ урочный часъ на каменной стѣнѣ...

45.

Изъ сокровищницы вѣчной
Душъ людскихъ что̀ въ нихъ дороже
Черпай ты смѣлѣй—
И толпѣ, всегда безпечной,
То, что взято изъ нея-же,
Ясно спѣть умѣй!

Всѣ поэты, безъ сомнѣнья,
Всѣ мыслители вселенной—
Длинный рядъ зеркалъ;
Въ нихъ свои-же отраженья
Сонмъ людей рукою тлѣнной—
Лаврами вѣнчалъ.

46.

Бѣлый мохъ здѣсь поростаетъ
Вдоль по розовымъ пескамъ;
Любъ онъ, какъ коверъ персидскій,
Слабоногимъ старичкамъ.

Воздухъ такъ смолистъ, такъ тонокъ,
Что почтенный старичокъ,
Подышавъ имъ, замышляетъ
Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
Что ни сутки—то бойчѣй,
Отравляя воздухъ чистый
Смрадомъ кухонь и печей.

Что-жъ? Инàче быть не можетъ,—
Воздухъ, какъ и мы, живетъ...
Счàстливъ, кто не опоздаетъ
И отъ чистыхъ струй глотнётъ.

47.

Закрыла осень всѣ пути,
Ручьи умолкшіе застыли,
Сгорѣли тра́вы, полегли...
Онѣ недавно живы были.

Ну, память! Ты въ правà вступай
И изъ нѣмыхъ воспоминаній
Былого лѣта выдвигай
Черты живыхъ произрастаній!

Пусть въ тьмѣ рождественскихъ ночей,
Передъ духовными очами,
Мысль глянетъ всходами полей,
И побѣгутъ мечты ручьями.

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

48.

Ни слава яркая, ни жизни мишура,
Ни кисти, ни рѣзца безсмертныя красо̀ты,
Ни золотые дни, ни ночи серебра
Не въ силахъ иногда согнать съ души дремоты.

Но, если съ дѣтскихъ лѣтъ забывшійся напѣвъ
Коснется нѐжданно притупленнаго слуха,—
Даютъ вдругъ яркій цвѣтъ, чудесно уцѣлѣвъ,
Остатки прежнихъ силъ надломленнаго духа.

Совсѣмъ ребяческіе, старые тона̀,
Наивность словъ простыхъ, давнымъ-давно извѣстныхъ,
Зовутъ прошедшее воспрянуть ото сна,
Явиться въ обликахъ живыхъ, хоть безтѣлесныхъ.

И счастье прежнихъ дней, и яркость прежнихъ силъ,—
То именно, что̀ въ насъ свершило все земное,
Вдругъ изъ таинственно открывшихся могилъ
Сквозь пѣсню высится: знакомое, живое...

49.

Я помню, помню прошлый годъ!
Чуть вечеръ спустится, бывало,
Свирѣль чудесная звучала,
Закатъ пылавшій провожала,
Встрѣчала розовый восходъ.

Короткой ночи текстъ любовный
Ей вдохновеніемъ служилъ;
Онъ такъ ласкалъ, онъ такъ плѣнилъ,
Онъ такъ мнѣ близокъ, близокъ былъ—
Совсѣмъ простой, немногословный.

Свирѣль замолкшая, гдѣ ты?
Гдѣ ты, пѣвецъ мой безымянный,
Быть-можетъ, неба гость желанный,
Печальный здѣсь, а тамъ избранный
Жилецъ небесной высоты?

Тебѣ не надобно свирѣли!
И что тебѣ, счастливецъ, въ ней,
Когда, внѣ зорь и внѣ ночей,
Ты понялъ смыслъ иныхъ рѣчей
И міровыя слышишь трели...

50.

Нѣтъ, никогда и никакою волей
Алтарь поэзіи насильно не зажечь,—
Молчатъ, какъ мертвые, ея святые звуки,
И не струится огненная рѣчь.

Зато порой, изъ мелочи, изъ вздора,
Совсѣмъ изъ ничего, въ природѣ, иль въ мечтѣ,
Родится невзначай едва замѣтный обликъ
И рвется онъ къ добру и красотѣ.

И вотъ тогда, возникнувъ непонятно
Во снѣ, на гульбищѣ, въ работѣ, что томитъ,—
Незримый духъ какой-то силой тайной
Святой огонь нежданно запалитъ.

Могучій вихрь подниметъ въ сердцѣ пламя!
Въ полетѣ дерзостномъ отъ тлѣнья отрѣшонъ,
Паритъ свободно онъ, такъ царственно-высоко,—
Что нѣтъ ему ни граней, ни препонъ.

Не уловить счастливаго мгновенья,
Не закрѣпить его словами,—умереть
Чистѣйшей искрѣ той, въ часъ просвѣтлѣнья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлѣть.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

51.

Во снѣ мучительномъ я долго такъ бродилъ,
Кого-то я искалъ, чего-то добивался;
Я переплылъ моря, пустыни посѣтилъ,
Въ скалàхъ карабкался, на торжищахъ скитался...

И сталъ предъ дверью я открытою... За ней
Какой-то мягкій свѣтъ струился издалёка;
Отъ створовъ падали столбы большихъ тѣней;
Ступени вверхъ вели, и, кажется, высòко!

Но чтò за дверью тамъ, впередъ какъ ни смотри—
Не видишь... А за мной—земного міра тѣни...
Мнѣ голосъ слышался... Онъ говорилъ: «Умри!
И можешь ты тогда подняться на ступени!..»

И смѣло я пошелъ... И началъ замирать...
Ослѣпли, чуть вошелъ я въ полный свѣтъ, зѣницы,
Я иначе прозрѣлъ... Какъ? Радъ-бы передать,
Но нѣтъ пригодныхъ струнъ и нѣтъ такой цѣвницы!..

52.

Въ молчаньи осени ссыпаются листы,
Въ вѣтвяхъ являются нежданные просвѣты,—
И незамѣченные прежде силуэты,
И новыя вдали красивыя черты...

Не то-же-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
Съ невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
Вдругъ небывалою заблещетъ красотой!..

53.

Мощь сѣверныхъ лѣсовъ въ сугробахъ и наносахъ,
Въ прозрачной темени, одѣтой въ снѣгъ хвои,
Какъ явствуютъ въ тебѣ, въ безгласности великой,
Могучей жизненности раннія струи!

Да, только здѣсь, у насъ, гдѣ смерть лѣса объяла
На долгій, долгій срокъ, гдѣ нѣтъ иной судьбы,
Въ февральскомъ холодѣ, во мглѣ, уже замѣтенъ
Пушистый бархатецъ проснувшейся вербы!

Да, только здѣсь, въ снѣгахъ полуночнаго лѣса,
Въ объятьяхъ холода и мертвой тишины
Способны оживать такъ рано насажденья
Тепла душевнаго и внутренней весны!

54.

Твой умъ силёнъ, спокоенъ, крѣпокъ
И слишкомъ жизнью закаленъ,
Чтобъ могъ онъ быть мечтой источенъ
И ходомъ думъ изборожденъ.

На немъ, въ блужданьяхъ осѣдая,
Смыслъ отвлеченнѣйшихъ началъ,
Ложится поверху узоромъ,
Но въ глубину не проникалъ;

Когда-бы иначе—давно-бы
Свою ты пѣсенку пропѣлъ,
И за рѣшеткой, подъ призоромъ,
Въ исканьи истины сидѣлъ!

Давно-бы ты, умалишенный,
Имѣлъ свой нумеръ на листѣ—
Безсильный, но не побѣжденный,
Въ путяхъ къ добру и красотѣ!

55.

Кому-же хочется въ потомство перейти
Въ обличьи старика! Слѣдами разрушеній
Помѣчены въ лицѣ особые пути
Излишествъ и нужды, довольства и лишеній.
Я старъ, я некрасивъ... Да, да! Но, Боже мой,
Вѣдь это-же не я!.. Нѣтъ, въ обликѣ особомъ,
Несокрушаемомъ ни временемъ, ни гробомъ,
Который нѣкогда я признавалъ за свой,
Хотѣлось-бы мнѣ жить на памяти людской!
И кто-жъ бы не хотѣлъ? Особыми чертами
Мы обрисуемся на множество ладовъ—
Въ разсказахъ тѣхъ дѣтей, что будутъ стариками,
Въ запискахъ, въ очеркахъ, за длинный рядъ годовъ.

И ты, красавица, не названная мною,—
Я много, много разъ писалъ твои черты,—
Когда послѣдній часъ ударитъ надъ землею,

Съ умершихъ сдвинутся и плиты, и кресты,—
Ты, какъ и я, проявишься нежданно,
Но не старухою, а на зарѣ годовъ...
Нелѣпымъ было-бы и безконечно странно—
Селить въ загробный міръ старухъ и стариковъ.

56.

Сказалъ бы я такъ много, много;
Но не успѣю,—срокъ мнѣ данъ!
Коротокъ день, узка дорога
И такъ громаденъ караванъ...

Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всѣмъ на свѣтѣ удаётся
Все,—что́ хотѣлъ-бы кто,—сказать...

Вотъ отчего краснорѣчивы
Молчанья кладбищъ!.. Невпопадъ,
Не въ срокъ засѣянныя нивы,—
Онѣ, подъ спудомъ дней молчатъ.

Но изъ безмолвнаго общенья
Жильца земли съ жильцомъ могилъ
Не разъ шли первыя движенья
Неудержимо мощныхъ силъ...

57.

Когда-то, подлѣ Вавилона,
Дерзнули башню воздвигать,
Чтобъ жить внѣ Божьяго закона
И волнъ потопа избѣжать.

И башни нѣтъ! Весь слѣдъ развѣянъ;
Богъ перепуталъ языки...
Былъ человѣкъ самонадѣянъ:
Гдѣ жизнь цвѣла—лежатъ пески...

Теперь смѣшались не языки,
Нѣтъ, сбились помыслы людей—
Одни другимъ невнятны, дики...
И обезпеченъ ростъ степей.

58.

Какъ въ рубинахъ яркихъ—вкругъ кусты малины;
Листъ смородинъ черныхъ весь благоухаетъ;
Въ тепломъ блескѣ солнца съ бархатной низи́ны
Молодежи говоръ звучно долетаетъ.

Почему-то,—право, я совсѣмъ не знаю,—
Сцену вдругъ изъ Гёте вижу предъ глазами!
Праздникъ, по веселью въ людяхъ, замѣчаю!
Молодежь гуляетъ... въ парочкахъ... толпами...

Въ юности счастливой смѣхъ причинъ не ищетъ...
Кончена обѣдня, церкви дверь закрыта,—
Вижу, ясно вижу: черный пудель рыщетъ...
Это—Мефистофель? Гдѣ-же Маргарита?

Юность золотая, если-бы ты знала,
Что невозвратимо волшебство̀ минуты,
Что въ твоемъ грядущемъ радостей такъ мало,
Что въ конецъ осилятъ долгой жизни путы,—

Ты была-бъ спокойнѣй... Можно-ль такъ смѣяться,
Возбуждая зависть старшихъ поколѣній!
Берегла-бъ ты силы,—очень пригодятся,
Чуть настанутъ годы правды и сравненій...

59.

Надъ осокой вольный вѣтеръ пролетаетъ,
Говоритъ ей: «Отчего, скажи, осока,
Твой народъ себя совсѣмъ не уважаетъ,
Предо мной всегда склоняется глубоко?

«Чуть подую, вижу: ты ужъ и пригнулась...
Дулъ я съ сѣвера, подумалъ: дуну съ юга,—
Можетъ статься, помогу, чтобъ встрепенулась;
Раболѣпствуетъ, быть-можетъ, отъ испуга!

«Нѣтъ, куда! Легла къ водѣ съ другого бока;
Не-въ-догадъ тебѣ мое благодѣянье...
Ахъ, ты глупая, ты глупая осока,
Ты безпомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
Отвѣчаетъ вѣтру: «Вѣтеръ-благодѣтель,
Буде ваша милость вовсе-бы не дула,
Я росла-бы прямо, стройно! Богъ—свидѣтель,

«Что моихъ нижайшихъ, вѣчныхъ поклоненій
Не было-бы вовсе у меня въ заводѣ;
Я стояла-бъ выше всякихъ треволненій—
Съ уваженьемъ къ правдѣ и къ своей породѣ!»

60.

Полдень прекрасенъ. Въ лазури
Малаго облачка нѣтъ,
Даже и тѣни прозрачны,—
Такъ удивителенъ свѣтъ!

Вѣтеръ тихонько шевѐлитъ
Листьевъ подвижную сѣть,
Топчется, будто, на мѣстѣ,
Мыслитъ: куда полетѣть?

Онъ, направленья мѣняя,
Думаетъ думу свою:
Шкваломъ-ли мнѣ разразиться,
Или предаться нытью?

61.

На конѣ брабантскомъ плотномъ
И въ малиновой венгеркѣ —
Часто видѣлъ я дѣвицу
У отца на табакеркѣ.

Съ пестрой свитой на охотѣ
Чудной маленькой фигурой
Рисовалася дѣвица
На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
И пружинку нажимали,
И охотники трубили,
И собакъ со своръ спускали.

Лѣсъ былъ живъ на табакеркѣ;
А дѣвица все скакала
И меня бѣжать за нею
Чуднымъ взглядомъ приглашала.

И готовъ я былъ умчаться
Вслѣдъ за нею — полонъ силы —
Хоть по небу, хоть по морю,
Хоть сквозь вѣчный мракъ могилы...

А теперь вотъ здѣсь, недавно,—
Полстолѣтья миновало,—
Я опять дѣвицу видѣлъ,
Какъ въ лѣсу она скакала.

И за ней, какъ тощій призракъ,
Съ котелкомъ надъ головою
Истязался на лошадкѣ
Баринъ, свѣсясь надъ лукою.

Я, дѣвицу увидавши,
Вслѣдъ ей бѣшено рванулся,
Вспыхнувъ злобою и местью...
Но, едва вскочилъ, запнулся...

Да, не шутка полстолѣтья...
Есть всему границы, мѣрки...
Пусть ихъ скачутъ котелочки
За дѣвицей съ табакерки!..

62.

Право, не больше чѣмъ въ полчаса времени
Горы и лѣсъ очутились въ снѣгахъ, —
Будто-бы все населилось маркизами
Въ пудрѣ, въ косичкахъ, въ большихъ парикахъ.

Что было въ осень поломано, выжжено,
Садъ, что мѣстами раскопанъ и взрытъ,
Даже кусты и деревья умершіе
Всѣ поюнѣли и бодры на видъ.

Славное время маркизовъ! Подъ пудрою,
Подъ париками — скрывались года,
Всѣ были юны... Толкуютъ, что, будто-бы,
Модамъ — судьба воскресать иногда...

63.

Ты любишь его всей душою,
И вамъ такъ легко, такъ свѣтло...
Зачѣмъ-же упрямствомъ, порою,
Свое ты туманишь чело?

Зачѣмъ безпричинно, всечасно
Ты радости портишь сама
И доброе сердце напрасно
Смущаешь злорадствомъ ума?

Довольствуйся тѣмъ, что возможно!
Повѣрь: вамъ довольно всего,
Чтобъ, тихо живя, нетревожно
Не ждать, не желать ничего...

64.

Нѣтъ, верба̀, ты опоздала,
Только къ марту цвѣтъ дала,—
Знай, моя душа сызмàла,
Впечатлительнѣй была!
　　Гдѣ-же съ ней идти въ сравненье!
　　Не спросясь календаря,
　　Я весны возникновенье
　　Ясно слышу съ января!
День подросъ и сталъ длиннѣе...
Ледъ сололи въ кабаны...
Снѣгъ глубокъ, но сталъ рыхлѣе...
Плачутъ крыши съ вышины...
　　Пишутъ къ праздникамъ награды...
　　Нѣтъ, верба̀, повѣрь мнѣ, нѣтъ:
　　Вешнимъ днямъ мы раньше рады,
　　Чѣмъ пускаешь ты свой цвѣтъ!

65.

Гуляя въ сіяньѣ заката,
Чуть видную тѣнь я кидалъ,
А мѣсяцъ — въ блистаніи злата —
Навстрѣчу ко мнѣ выплывалъ.

Съ двухъ разныхъ сторонъ освѣщаемъ,
Я думалъ, что былъ окруженъ
Тѣмъ міромъ, что нами не знаемъ,
Гдѣ нѣтъ ни преградъ, ни сторонъ!

Подъ теплою, мягкою чернью
Въ листвѣ опочившихъ вѣтвей,
Сіяла роса мелкой зернью
Недвижныхъ, холодныхъ огней.

Мнѣ вспомнились чувства былыя:
Полъ-вѣка назадъ я любилъ
И два очертанья живыя
Въ одномъ моемъ сердцѣ носилъ.

Стоцвѣтныя чувства свѣтились,
И былъ я блаженствомъ богатъ...
Но двое во мнѣ не мирились.
И мѣсяцъ погасъ, и закатъ!

66.

Условно все. Когда темнѣетъ
Рѣка и льдины такъ черны,—
Не трауръ въ этомъ! Сердце млѣетъ
Въ сознаньи близости весны.

Когда навстрѣчу разрушенью
Холодный трупъ позеленѣлъ,—
То тутъ не вызовъ къ возрожденью,
А смерти бѣдственный удѣлъ.

А если пурпурною краской
Пылаютъ щеки, плечи, грудь,—
Врачъ говоритъ, взглянувъ съ опаской:
«Болѣзнь смертельна... Будь что̀ будь!»

А взрывъ чудовищнаго смѣха,
И блескъ веселья по лицу—
Порой предсмертная потѣха
Безумца, близкаго къ концу...

Слеза, питомица печали,
Безмолвный гость тоски глухой...
Скажите: развѣ не видали,
Какъ плачутъ съ радости порой?

Условно все! Въ путяхъ скитаній
Земныхъ—условностей не счесть,
Не вѣрь въ значенье предсказаній
И признавай лишь тò, что есть.

67.

Нѣтъ, не отъ всѣхъ предубѣжденій
Я и понынѣ отрѣшенъ!
Но все свободнѣй сердца геній
Отъ всѣхъ обвязокъ и пелёнъ.

Блѣднѣетъ всякая условность,
Мельчаетъ смыслъ въ любой борьбѣ...
Въ душѣ великая готовность
Свободной быть самой въ себѣ;

И въ этой правдѣ—не слащавость,
Не праздный звукъ красивыхъ словъ,
А вольной мысли величавость
Подъ лязгомъ всѣхъ земныхъ оковъ...

68.

Любо мнѣ, чуть съ вечерней зарей
Солнце, ликъ свой къ землѣ приближая,
Взгляды искоса въ рощу бросая,
Сыплетъ въ корни свой свѣтъ золотой;

Багрянистой парчой одѣваетъ
Листьевъ матовый, блѣдный испòдъ...
Это—очень не часто бываетъ,
И вечернее солнце—не ждетъ.

69.

Мой прудъ, онъ съ утра̀ разрисованъ,
На немъ арабески, штрихи;
Онъ весь покраснѣлъ и алѣетъ
Въ опавшихъ сережкахъ ольхѝ.

Давно-ли въ оттаявшихъ льдинахъ
Глядѣлъ онъ такъ скучно, мертво̀!
Теперь и безъ вѣтра онъ дышетъ...
То рыбки колеблятъ его.

70.

Помню: какъ-то разъ мнѣ снился
Генрихъ Гейне на балу;
Разливалося веселье
По всему его челу...

Говорилъ онъ дамѣ:—«Дама,
Я прошу на польку васъ!
Балъ блестящъ! Но вы такъ блѣдны,
Взглядъ вашъ, будто-бы, погасъ!

— Ахъ, простите!—я припомнилъ:
Двадцать лѣтъ, какъ вы мертвы!
Обращусь къ сосѣдкѣ вашей:
Вальсъ со мной идете-ль вы?

— Боже мой! И тутъ ошибка!
Десять лѣтъ тому назадъ,
Помню, васъ мы хоронили;
Устарѣлъ на васъ нарядъ.

— Ну, такъ къ третьей... На мазурку!—
Ясно вамъ: кто я такой?»
— Какъ-же, вы—вы Генрихъ Гейне:
Вы скончались вслѣдъ за мной...

И неслись они по залѣ...
Шуменъ, веселъ былъ салонъ...
Какъ, однако, милы пляски
Перешедшихъ Рубиконъ!..

71.

Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ
Стою подъ этимъ склепомъ я:
Тутъ длинный рядъ почившихъ предковъ
Хранитъ нѣмецкая семья.

О! Если-бъ только люди знали,
Какой счастливый въ томъ залогъ,
Чтобъ не разбрасывать имъ мертвыхъ,
Чтобъ ихъ живой замѣтить могъ,—

Чтобъ приближаться къ нимъ порою
И въ ихъ покоѣ отдыхать,
Искать молитвы, иль молиться,
И знать, гдѣ намъ самимъ лежать.

Вотъ хоть-бы тутъ! Вполнѣ здоровый.
Живой сознаньемъ бодрыхъ силъ,
Вѣдь я, совсѣмъ помимо воли,
Охваченъ жизнію могилъ.

Я слышу ясно, какъ тихонько
Въ душѣ моей, сквозь ихъ покой,
Родится въ чувствѣ уваженья
Хорошихъ чувствъ счастливый строй...

72.

Могучей силою богаты
За долгій, тяжкій зимній срокъ,
Набухли почки, красноваты,
И зарумянился лѣсокъ.

А на горахъ замѣтны всходы,
Покровы травокъ молодыхъ,
И въ нихъ—красивые разводы
Веснянокъ нѣжно-голубыхъ.

Плыву на лодкѣ. Разбиваю
Весломъ остатки рыхлыхъ льдовъ,
И къ нимъ я злобу ощущаю—
Къ слѣдамъ подтаявшихъ оковъ.

И льдины бьются и ныряютъ,
Мѣшаютъ весламъ, въ дно стучатъ;
Подводный хоръ! Онѣ пугаютъ,
Остановить меня хотятъ!

А я весь—блескъ! Я весь—спокоенъ...
Но одинокъ, какъ-будто, я...
Одинъ я въ полѣ—и не воинъ...
Мнѣ нужно пѣсню соловья!

73.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
Везувій мнѣ въ глаза дымилъ,
Я вдоль по тундрѣ Безземельной—
Везо̀мъ оленями—скользилъ.

Я слышалъ много водопадовъ
Различныхъ силъ и вышины,
Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой сте́пи.
Въ Байдарахъ—тихій звукъ зурны̀.

Я посѣтилъ въ лѣсахъ Урала
Потемки страшныхъ рудниковъ,
Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

Я рѣзалъ трупы съ анатомомъ,
Въ наукахъ много зналъ свѣтилъ,
Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
Я дни въ вертепахъ проводилъ...

Я говорилъ порой съ царями;
Глубоко падалъ и вставалъ;
Я Богу пламенно молился,
Я Бога страстно отрицалъ;

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
Любилъ, страдалъ, взростилъ семью
И— не скажу, чтобы безъ страха—
Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я видѣлъ варварскія казни,
Я видѣлъ ужасы труда;
Я никого не ненавидѣлъ,
Но презиралъ—почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
Могу порой совѣтъ подать:
Какъ меньше пользоваться счастьемъ,
Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатаго сруба,
Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,
Гдѣ мирно такъ шумитъ Нарова,
Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка,—
Я не ношу веригъ земли...
Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
Все принижается вдали.

74.

Порою между насъ пророки возникаютъ,
Совсѣмъ, совсѣмъ не такъ, какъ думаете вы,
Ихъ въ этотъ міръ вѣщать не степи посылаютъ,
Сіянье не блеститъ съ избранной головы.

Нѣтъ въ наши дни у насъ пророковъ по призванью,
Имъ каждый можетъ быть,—пустыня не при чемъ;
Вдругъ замѣчается—въ противность ожиданью—
Огонь, свѣтящiйся на томъ или другомъ.

Ничтожнѣйшій изъ насъ въ минуту ту, иль въ эту,
Пророкомъ можетъ быть; случайно онъ постигъ
Большую истину, и онъ вѣщаетъ свѣту...
Знать, огненный къ нему съ небесъ сошелъ языкъ.

И скажетъ онъ свое, и быстро замолкаетъ,
И, бѣдный, можетъ-быть всю жизнь свою прождетъ:
Вотъ, вотъ сойдетъ языкъ, вновь пламя заиграетъ...
И, въ ожиданіи, онъ, чающій, умретъ...

75.

Великъ запасъ событій разныхъ
И въ настоящемъ, и въ быломъ;
Историкъ въ лѣтописяхъ связныхъ
Живописуетъ ихъ перомъ.

Не меньше ихъ необозримы
Природы дивныя черты,
Онѣ поэтомъ уловимы
При свѣтѣ творческой мечты.

Но больше, больше безъ сравненья,
Пестрѣе тѣхъ, живѣй другихъ
Людского духа воплощенья
И бытія сердецъ людскихъ.

Онѣ—причина всѣхъ событій,
Онѣ—природы мысль и взглядъ,
Въ нихъ ткань судебъ—съ основой нитей
Гнилыхъ и ветхихъ заурядъ...

76.

Разъ одинъ изъ фараоновъ
Скромный домъ мой посѣтилъ;
Онъ, входя, косякъ у двери
Длиннымъ схентомъ зацѣпилъ.

Безподобная фигура!
Весь величественно—грубъ,
Поражалъ онъ яркимъ цвѣтомъ
Красной краски страстныхъ губъ.

Хрустнулъ стулъ, чуть онъ усѣлся;
Разговоръ у насъ пошелъ
На различные предметы:
Какъ онъ съ Гиксомъ войны велъ,

Какъ онъ взысканъ былъ богами,
Какъ онъ миловалъ, казнилъ,
Какъ плотинами хотѣлъ онъ
Укротить священный Нилъ,

Какъ любилъ онъ страстно женщинъ...
Чтобъ свободнѣй говорить,
Попросилъ меня онъ двери
Поплотнѣе затворить.

И пошелъ онъ, и пошелъ онъ...
Ощущаю въ сердцѣ страхъ
Повторять все то, что̀ слышалъ
При затворенныхъ дверяхъ.

Удивительное сходство
Съ нами!... Та-же все канва:
Изъ временъ «Декамерона»
И дѣянья, и слова!

77.

Помню: я дерево въ землю сажалъ;
Птичій концертъ по кустамъ грохоталъ!
Ежели листья теперь такъ шумятъ,
Это—тѣ пѣсни опять голосятъ.

Въ чуткую, смутную душу твою,—
Чуть только пѣсню свою запою,—
Мысли о счастьи, какъ зерна, кладу...
Каждое шепчетъ: «Въ свой срокъ я взойду!»

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

78.

Вѣтеръ несется могучій...
Груди такой не сыскать!
Мѣста ей надо—сломаетъ
Все, что придется сломать!

Сосны навстрѣчу! Недвижны
Розовой грудью стволовъ...
Знать: грудь на грудь! Такъ и нужно!
Въ мірѣ обычай таковъ...

Кто-то въ той свалкѣ уступитъ?
Спрячься за камни: не трусь!
Можетъ-быть, камни придушатъ,
Сгинешь... а я сохранюсь!

79.

Качается лодка на цѣпи,
Привязана крѣпко она,
Чуть движетъ на привязи вѣтеръ,
Чуть слышно колышетъ волна.

Охъ, хочется лодкѣ на волю,
На вòлю, въ невѣдомый путь,
И свернутый парусъ расправить,
И выставить нà-вѣтеръ грудь!

Но цѣпь и крѣпка, и не ржава,
И, если судьба повелитъ—
Поплыть, то не цѣпь оборвется,
А треснувшій бортъ отлетитъ.

80.

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Сколько ужъ, сколько вѣковъ
Тканями этихъ-же словъ
Ночи въ таинственный часъ
Дѣтскихъ сомкнулося глазъ!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей.

Слышу о зломъ колдунѣ...
Вотъ онъ—въ лѣсу при огнѣ...
Чудная фея добра
Блещетъ въ лучахъ серебра...
Множество замысловъ злыхъ,—
Фея разрушила ихъ...
И колдуна больше нѣтъ!
Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...

Лѣсъ, что куда-то пропалъ,
Вдругъ очарованный, всталъ...
Вотъ и колдунъ на печи...
Сказка! Молчи-же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

81.

Нынче годъ цвѣтенья сосенъ:
Всѣ покрылись сѣдиной,
И побѣги, будто свѣчи,
Щеголяютъ прямизной;

Что ни вѣтка—проступаетъ
Воска блѣднаго свѣча...
Вотъ-бы ихъ зажечь! Любая
Засвѣтила-бъ—горяча!

Сколько, сколько ихъ по лѣсу;
Цвѣтень пылью порошитъ!
Только кто, чуть ночь настанетъ,
Эти свѣчи запалитъ?

Низлетятъ-ли гости съ неба
Часъ молитвы озарить?
Иль колдуньи вздуютъ пламя
Въ дикой оргіи свѣтить...

Все равно! Но только-бъ свѣта,
Свѣта мнѣ—со всѣхъ вѣтвей!
Только-бъ что-нибудь поярче,
Что-нибудь—повеселѣй!

82.

Припаи льда все море обрамляютъ;
Вдали видны̀ буранъ и толчея,
Но громы ихъ ко мнѣ не долетаютъ,
И ясно слышу я, что̀ говоритъ хвоя̀.

Та рѣчь важна̀, та рѣчь однообразна,—
Едва колеблетъ длинный рядъ стволовъ,
Въ своемъ теченьи величава, связна
И даже явственна, хоть говоритъ безъ словъ.

Въ ней не замѣтно знаковъ препинаній,
Въ ней все одно, великое одно!
Въ живыхъ струяхъ безсчетныхъ колебаній
Поетъ гигантское, какъ міръ, веретено.

И убаюканъ лаской и любовью,
Не слыша стоновъ плачущей волны,
Я, какъ дитя, склоняюсь къ изголовью,
Чтобъ отойти туда, гдѣ обитаютъ сны.

83.

Въ древней Греціи бывали
Состязанья красоты;
Старики въ нихъ засѣдали,
Старики—какъ я да ты.

Дочь твоя—прямое диво,
Проблескъ розовой зари;
Все въ ней правда, все красиво...
Только—ей не говори!..

Запахъ мирры благовонной,
Сладкій шопотъ тишины,
Лепетъ струйки полусонной
Въ освѣщеніи луны;

Голосъ арфы, трель свирѣли,
Шумъ порханья мотыльковъ,
Иль во дни Святой недѣли
Дальній звонъ колоколовъ...

Вотъ тѣ тонкія основы,
На которыхъ, можетъ-быть,
Можно было-бъ ткать покровы —
Красоту ея прикрыть.

84.

Его портретъ лѣтъ тридцать только
Тому назадъ—былъ всѣмъ знакомъ!
Блестящій умъ, значенье въ людяхъ,
Успѣхъ въ дѣлахъ, богатый домъ...

Теперь нещадно затерялось
Былое пестрое его,
И—быстро, быстро тьмой покрыто—
Оно безслѣдно и мертво!

И только здѣсь!.. Случайно какъ-то,
Забавой нѣсколькихъ минутъ,
Ничтожный даръ его богатства
Былъ кинутъ имъ—возникъ пріютъ...

Въ немъ, со стѣны, еще глядитъ онъ,
И имя здѣсь сохранено...
И въ страшный часъ,—о, да, безспорно,—
Свой ясный откликъ дастъ оно...

85.

Совсѣмъ примѣрная семья!
Порядокъ, миръ... Чѣмъ не отрада?
Но отчего вдругъ вспомнилъ я
Страничку изъ судебъ Царьграда:

По лику мертваго царя
Гуляютъ кистью богомазы,
И сурикъ, на щекахъ горя,
Румянитъ крупные алмазы;

Наведена улыбка губъ,
Заштукатурены морщины...
А все-же это—только трупъ
И лицевая часть картины!

86.

Какъ ты чиста въ покоѣ ясномъ,
Въ тебѣ понятья даже нѣтъ
О лживомъ, злобномъ или страстномъ,
Чѣмъ такъ тревоженъ бѣлый свѣтъ!

Какъ ты глупа! Какой равниной
Раскинутъ міръ души твоей,
На ней вершинки—ни единой,
И нѣтъ ни звуковъ, ни тѣней...

87.

Вы побѣлѣли, кладбища граниты;
Ночная оттепель тепломъ дохнула въ васъ;
Какъ пудрой бѣлою, вы инеемъ покрыты
И бѣлымъ мраморомъ глядите въ этотъ часъ.

Другая пудра и другія силы
Подъ мраморъ красятъ кудри на челѣ...
Ужъ не признать-ли теплыми могилы
Въ сравненьи съ жизнью въ холодѣ и мглѣ?

88.

Вотъ съ крыши первые потёки
При наступленіи весны!
Они—что писанныя строки
Въ снѣгахъ великой бѣлизны.

Въ нихъ начинаютъ проявляться
Весенней юности черты,
Которымъ быстро развиваться
Въ теплѣ и въ царствѣ красоты.

Въ нихъ—пробужденіе подъ спудомъ
Еще не явленныхъ мощей,
Что день—то будетъ новымъ чудомъ
За чудодѣйствіемъ ночей.

Всѣ струйки маленькихъ потёковъ—
Безумцы и бунтовщики,
Онѣ замерзнутъ у истоковъ,
Не добѣжать имъ до рѣки...

Но скоро, скоро дни настанутъ,
Освобожденные отъ тьмы!
Тогда бунтовщиками станутъ
Слѣды осиленной зимы;

Послѣдней вьюги злые стоны,
Послѣдній ледъ... А по полямъ
Побѣдно глянутъ анемоны,
Всѣ въ серебрѣ—на зло снѣгамъ.

89.

Мои мечты—что̀ лѣсъ дремучій,
Внѣ климатическихъ преградъ,
Въ немъ—пальмы, ели, тернъ колючій,
Исландскій мохъ и виноградъ.

Лѣсъ полнъ кикиморъ рѣзвыхъ шутокъ,
Въ немъ лѣшій вкривь и вкось ведетъ;
Въ немъ есть всѣ измѣненья сутокъ
И годовой круговоротъ.

Но нѣтъ у нихъ чередованья,
Законы путаются зря:
Вдругъ въ полдень—мѣсяца мерцанье,
А въ полночь—яркая заря!

90.

Мысли погасшія, чувства забытыя—
Муміи бѣдной моей головы,
Въ бѣлые саваны смерти повитыя,
Можетъ-быть, вовсе не умерли вы?
Жизни былой молчаливыя муміи,
Время Египта въ прошедшемъ моемъ,
Здравствуйте, спящія въ тихомъ раздуміи!
Къ вамъ я явился свѣтить фонаремъ.
Вижу... какъ, вглубь пирамиды положены,
Всѣ вы такъ тихи, такъ кротки теперь;
Складки на васъ шевельнулись, встревожены
Вѣтромъ, пахнувшимъ въ открытую дверь.
Всѣ вы взглянули на гостя нежданнаго!
Слушайте, муміи, дайте отвѣтъ:
Если-бы жить вамъ случилося за̀-ново—
Иначе жили-бы вы? Да, иль нѣтъ?
Нѣтъ мнѣ отвѣта! Безмолвны свидѣтели...

Да и къ чему на вопросъ отвѣчать?
Если-бъ и вправду онѣ мнѣ отвѣтили—
Что-жъ бы я сдѣлалъ, чтобъ снова начать?
Въ праздномъ, смѣшномъ любопытствѣ назрѣвшіе,
Странны вопросы людскіе порой...
Вотъ отчего до конца поумнѣвшія
Муміи—дружно молчатъ предо мной!
Блещетъ фонарь надъ безмолвными плитами...
Все, что̀ я чую вокругъ—забытьё!
Сводъ потемнѣлъ и обросъ сталактитами...
Въ нихъ каменѣетъ и сердце мое...

91.

О, будь въ сознаньѣ правды смѣлъ...
Ни ширмъ, ни зàвѣсей не надо...
Какъ волны дантовскаго ада
Полны страданій скорбныхъ тѣлъ,—
Такъ и у насъ своя картина...
Но только нѣтъ въ ней красоты:
Людей заткала паутина...
Въ ней бьются всѣ—и я, и ты...

92.

Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ—
Евангелье! Но миновали годы,
Коснулись книги всякія невзгоды,
Я дòбылъ новую. И снова ты возникъ,
Ты—подарившій первую когда-то...
Давно ты умеръ; все забвеньемъ взято,
Но въ памяти моей, для сердца, для меня
Ты живъ въ сіяніи таинственнаго дня!
Такихъ таинственностей въ мірѣ духа много,
И въ каждой видится какая-то дорога...
Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ, этотъ стихъ,
Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
Проживъ годà на лоскуткѣ бумаги,
Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
Безсмертье будетъ въ томъ,—безъ имени, конечно...
Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
Но каждый будетъ жить собой и безконечно...

93.

Какое дѣло имъ до горя моего?
Свои у нихъ, свои томленья и печали!
И что имъ до меня и что имъ до него?..
Они, повѣрьте мнѣ, и безъ того устали.
А что за дѣло мнѣ до всѣхъ печалей ихъ?
Пускай имъ тяжело, томительно и больно...
Мѣнять грузъ одного на грузъ десятерыхъ,
Конечно,—не разсчетъ, хотя и сердобольно.

94.

Всюду ходятъ привидѣнья...
Появляются и тутъ;
Только всѣ они въ доспѣхахъ,
Въ шлемахъ, въ панцыряхъ снуютъ.

Было время,—вдоль по взморью
Шедшимъ съ запада сюда
Грознымъ рыцарямъ Нарова
Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
Такъ подумала рѣка,—
Не спугнуть-ли мнѣ пришельцевъ,
Не помять-ли имъ бока?»

«Стойте, братцы,—говоритъ имъ,—
Чуть впередъ пойдете вы,
Глянетъ къ вамъ сквозь льды и вьюги,
Страшный ликъ царя Москвы!

«Онъ, схизматикъ—за стѣнами!
Сотни, тысячи звонницъ
Вкругъ гудятъ колоколами,
А народъ весь прахомъ—ницъ!

«У него-ль—не изувѣрства,
Всякой нѐчисти просторъ;
И повсюдный вѣчный голодъ,
И всегдашній страшный моръ.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ...
Шли до Яма и Копорья,
Видятъ—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то видѣнья!
Изъ трясинъ лѣсовики
Насѣдаютъ, будто черти,
Лѣзутъ нȁ смерть, чудаки!

Какъ подъ Дурбэномъ эстонцы
Не сдаются въ плѣнъ живьёмъ
И, совсѣмъ не по уставамъ,
Варомъ льютъ и кипяткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Наровой,
На границѣ вьюгъ и пургъ!»
Сѣли и прозвȁли зȁмки—
Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
Къ худобѣ и къ голоданью
Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
Ходятъ здѣсь и до сихъ поръ,
Но для легкости хсжденья—
Ходятъ всѣ они безъ шпоръ...

95.

Вдоль Наровы ходятъ волны;
Противъ солнца—огоньки!
Волны будто что-то пишутъ,
Набѣгая на пески.

Тянемъ тоню; грузенъ неводъ;
Онъ по дну у насъ идетъ
И захватитъ все, что̀ встрѣтитъ,
И съ собою принесетъ.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
Окунь, щука̀, сигъ, лосось?
Иль щепа̀ одна да травы,—
Незадача, значитъ, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
Что-то грузное въ мотнѣ;
Какъ барахтается, бьется,
Какъ мутитъ песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
Воду; всѣхъ насъ облила!
Моря синяго царица
Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
И короной золотой,
И на насъ на всѣхъ взглянула
Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слыхали!
Всѣ до самыхъ пятъ мокры...
Если-бъ взяли мы царицу,
То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значитъ, сами виноваты,
Недогадливый народъ!
Поворачивайте вòротъ,—
Тоня новая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за тоней—
За мечтой идетъ мечта;
Хороша порой добыча
И богата—да не та!..

96.

По берегамъ рѣки холодной,—
Ей скоро нà зиму застыть,—
Въ глубокихъ сумеркахъ, наносныхъ
Тончайшихъ льдинъ не отличить.

Вдругъ—снѣгъ. Мгновенно забѣлѣла
Стремнина тамъ, гдѣ ледъ стоялъ,
И бѣлымъ кружевомъ по черни
Снѣгъ берега разрисовалъ.

Не такъ-ли въ людяхъ? Сердцемъ добрымъ
Они, какъ-будто, хороши...
Вдругъ случай—и мгновенно глянетъ
Весь грустный трауръ ихъ души...

97

Стою я съ ужасомъ у гроба!
Безумье многихъ лѣтъ навѣкъ
Въ немъ успокоилось, и можно
Сказать опять: «Се человѣкъ!»

Сынъ подлѣ гроба! Сколько сходства
Въ лицѣ! Читаю ясно въ немъ:
«Скорѣй-бы кончить съ погребеньемъ
И пиръ задать, провѣтривъ домъ!..»

98.

Какая ночь убійственная, злая!
Бушуетъ вѣтеръ, въ окна градъ стучитъ;
И тьма вокругъ надвинулась такая,
Что въ ней фонарь едва-едва блеститъ.

А ночь порой красо̀тами богата!
Да, гдѣ-нибудь нѣтъ вовсе темноты,
Есть блескъ луны, есть прелести заката
И полный ходъ всѣмъ чаяньямъ мечты.

Тьма — не вездѣ. Здѣсь чья-то злая чара!
Ее согнать, повѣрь, подъ силу мнѣ:
Готовы струны, ждетъ моя гитара,
Я пѣть начну о звѣздахъ, о лунѣ.

Онѣ всплывутъ. Мы озаримся ими —
Чѣмъ гуще тьма, тѣмъ будетъ пѣснь яснѣй,
И въ градъ, и въ вихрь раскатами живыми
Зальется въ пѣснѣ вешній соловей.

99.

Какъ эти сосны древни, величавы,
И не одну имъ сотню лѣтъ прожить;
Ударитъ молнія! У неба злые нравы,
Судьба рѣшитъ: имъ именно — не быть!

Весна въ цвѣтахъ; и яблони, и сливы
Всѣ разодѣты въ бѣлыхъ лепесткахъ.
Морозъ ударитъ ночью! И не живы
Тѣ силы ихъ, что зрѣть могли въ плодахъ.

И Гретхенъ шла—полна святого счастья,
Полна невинности, безъ мысли о тюрьмѣ, —
Но глянулъ блескъ проклятаго запястья,
И смерть легла и въ сердцѣ, и въ умѣ...

100.

Ты тутъ жила! Зимы холодной
Покровъ блистаетъ серебромъ;
Калитка, ставшая свободной,
Стучитъ изломаннымъ замкòмъ.

Я старъ! Но развѣ я мечтами
О томъ, какъ здѣсь встрѣчались мы,
Не въ силахъ самъ убрать цвѣтами
Весь этотъ снѣгъ глухой зимы?

И развѣ въ старости печальной
Всему прошедшему не жить?
И ни единой музыкальной,
Хорошей думы не сложить?

О, нѣтъ! Мечта полна избытка
Воспоминаній чувствъ былыхъ...
Вотъ, вижу, лѣто! Вотъ калитка
На петляхъ звякаетъ своихъ.

Іюньской ночи стрекотанье...
И плескъ волны у береговъ...
И голосъ твой... и обожанье,—
И нѣтъ зимы... и нѣтъ снѣговъ!

101.

Сегодня въ церковь не пошелъ я,
Но я въ саду моемъ ходилъ
И грустный слѣдъ полночной бури,
Насколько можно, удалилъ.

Срѣзалъ поломанныя вѣтви,
Деревья павшія срубалъ
И обнаженные коренья
Землею свѣжей присыпалъ.

Да, это—видъ богослуженья!
Казалось: церкви звонъ, дрожа,
Сопровождалъ, какъ литургію,
Труды лопаты и ножа.

И, такъ какъ праздникъ былъ въ то время
Одинъ изъ лучшихъ по веснѣ,
Въ кустахъ акаѳистъ птицы пѣли,
Безличный, но понятный мнѣ...

102.

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виноватъ!
Страшна условій жизни сила,
Стѣной обычаи стоятъ.

Совсѣмъ не въ силу убѣжденья,
А въ силу нравовъ, иногда
Всплываютъ грустныя явленья,
И люди гибнутъ безъ слѣда,

И ужасающая драма
Родится въ трескѣ фразъ и словъ
Несуществующаго срама
И намалёванныхъ оковъ.

103.

Высоко̀ гуляетъ вѣтеръ,
Шевели̍тъ концы вѣтвей...
Сильфъ воздушный, сильфъ прекрасный,
Вѣй, красавецъ, шибче вѣй!

Тамъ тебѣ просторъ и воля;
Всюду, всюду — свѣтлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши въ людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузенъ,
Станешь вялъ, лишишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злыхъ и острыхъ жалъ полна̀...

И тебя, мой сильфъ воздушный,
Не признать во цвѣтѣ лѣтъ;
Побывавъ въ болящей груди,
Обратишься ты въ скелетъ;

Отлетѣвъ, въ вѣтвяхъ застрянешь
Сочлененьями костей...
Не спускайся наземь, вѣтеръ,
Вѣй, мой сильфъ, но выше вѣй!..

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

104.

Какъ ро̀бки вы и какъ ничтожны, —
Ни воли нѣтъ, ни силы нѣтъ...
Не примѣнить-ли къ вамъ, на случай,
Сельско-хозяйственный совѣтъ?

Любой, любой хозяинъ знаетъ:
Чтобы травѣ пышнѣй расти —
Ее скосить необходимо
И, просушивъ, въ стога̀ свезти...

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

105.

«Пара гнѣдыхъ», или «Ночи безумныя»,
Яркія пѣсни полночныхъ часовъ, —
Пѣсни такія-жъ, какъ мы, неразумныя,
Съ трепетомъ, съ дрожью больныхъ голосовъ!..

Что-то въ васъ есть безконечно хорошее...
Въ васъ отлетѣвшее счастье поетъ...
Словно весна подойдетъ подъ порошею,
Въ сердцѣ—истома, въ душѣ—ледоходъ!

Тайныя встрѣчи и оргіи шумныя,
Грусть... неудача... пропавшіе дни...
Любимъ мы, любимъ васъ, пѣсни безумныя:
Ваши безумія нашимъ сродни!

106.

Нѣтъ, не могу! Порой отвсюду,
Во тьмѣ ночной и въ свѣтѣ дня,
Какъ крики совѣсти Іуду—
Мечты преслѣдуютъ меня.

Въ чаду какого-то кипѣнья,
Несетъ волшебница дрова,
Кладетъ въ костеръ, и пѣснопѣнья
Родятся силой колдовства!

Сгораетъ связь межъ мной и ими,
Я становлюсь имъ всѣмъ чужой
И предъ созданьями своими
Стою съ поникшей головой...

107

Не обостряй своихъ страданій,
Не разжигай своей мечты!
По жизни, въ долгій срокъ скитаній,
Въ свой часъ ихъ много встрѣтишь ты.

Тебѣ такъ часто, такъ глубòко
Придется силу ихъ познать,
Что, право, лучше ихъ до срока
Не разжигать, не обострять!

108.

Было время, въ оны годы,
Къ этимъ тихимъ берегамъ
Приплывали финикійцы,
Пробираясь къ янтарямъ.

Янтари въ пескахъ лежали...
Что янтарь—смола одна,
Финикійцы и не знали;
Эта мудрость намъ дана!

И теперь порой, гуляя
Краемъ моря, я смотрю:
Не случится-ль мнѣ по счастью
Подобраться къ янтарю.

Говоритъ мнѣ какъ-то море:
«Не трудись напрасно, другъ!
Если ты янтарь отыщешь,—
Обратишь его въ мундштукъ.

«Онъ отъ горя потускнѣетъ...
То-ли, было, напримѣръ,
Попадать на грудь, на плечи
Древне-греческихъ гетеръ!..

«Отыщи ты мнѣ гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебѣ большую
Янтаремъ внесу я дань».

Съ той поры хожу по взморью,
Финикійцемъ жажду быть,
Жду миѳической гетеры,
Но—не въ силахъ не курить...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

109.

Ночь ползетъ изъ травы, изъ кустовъ;
Чуть погаснетъ закатъ, проступаетъ;
Нѣтъ плотины тѣнямъ, нѣтъ оковъ:
Тѣнь возникшую тѣнь нагоняетъ.

И, соткавшись въ глубокую тьму,
Въ темной жизни своей веселятся;
Что̀ и какъ—не узнать никому,
Но на утро цвѣты расплодятся!

110.

Я знаю кладбище. Съ годами
Остатки камней и крестовъ
Стоятъ застывшими волнами
Въ подушкахъ мягкихъ, сочныхъ мховъ.

Они—какъ волны—безымянны
И только изрѣдка, порой,
Возникнетъ новая могила
Поименованной волной...

Читаешь имя... какъ-то странно!
Въ немъ просьба будто-бы слышна,
Борьба послѣдняя съ забвеньемъ,
Но... прекратится и она!

111.

На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой
Кладу вѣнокъ цвѣтовъ,—вниманье небольшое!
Въ продажѣ терній нѣтъ, и нужно-ль предъ толпой,
Не знающей ея, свидѣтельство такое?

Тѣ люди отошли, въ которыхъ ты жила;
Ты такъ-же, какъ и я, скончаться опоздала;
Волна твоихъ людей давно ужъ отошла,
Но гордо высилась въ свой срокъ и сокрушала.

Упала та волна предъ юною волной
И подъ нее ползетъ безсильными струями;
Въ нихъ—еле видный слѣдъ той гордости былой,
Что пѣнилась, гремя могучими кряжàми.

Никто, никто теперь у гроба твоего
Твоей большой вины, твоихъ скорбей не знаетъ,
Я знаю, я одинъ... Но этого всего
Мнѣ некому сказать... Никто не вопрошаетъ.

Года прошедшіе—морскихъ песковъ наносъ!
Злорадство устаетъ, и клевета нѣмѣетъ;
И нѣтъ свидѣтелей, чтобъ вызвать на допросъ,
И некого судить... А смерть—забвеньемъ вѣетъ!

112.

Здравствуй, товарищъ! Подай-ка мнѣ руку.
Что? Ты отдернулъ? Кажись, осерчалъ?
Глянь на мою,—нѣтъ ей мѣста въ гостиной;
Я, братъ, недаромъ кустарникъ сажалъ.

Старый товарищъ! Печальная встрѣча!..
Какъ искалѣченъ ты жизнью, бѣднякъ!
Ну-ка, пожалуй въ мой домъ, горемыка...
Что? Не желаешь? Не любо! Чудакъ!

Выпьемъ съ тобой... Какъ? И пить ты не хочешь?
Просишь на выпивку нà-руки дать;
Темное чувство въ тебѣ шевельнулось?..
Что за причина, чтобъ мнѣ отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнѣніе? Злоба?
Коль потолкуемъ—причину найду...
Да не упрямься, мы юность помянемъ,
Дочку увидишь мою...—«Не пойду».

И отошелъ онъ по пыльной дорогѣ,
Денегъ онъ взялъ, не сказавъ ничего...
Разныхъ два міра въ насъ двухъ повстрѣчались...
Камнемъ бы бросить... Кому и въ кого?

113.

Съ моря сердитаго въ малый заливъ забѣжавъ.
Въ тихомъ спокойствіи я очутился;
Лодку свою между острыхъ камнѐй привязавъ,
Слушая бурю, въ раздумьѣ забылся...

Какъ хорошо, прекративъ неоконченный споръ,
Мирно уйти изъ буруновъ сомнѣнья,
Руки сложить, ни себѣ, ни другимъ не въ укоръ,
Тихо качаясь на зыби мышленья...

114.

Я вѣрю старому преданью,
Я вѣрю въ блескъ надеждъ живыхъ;
Я въ долгій вѣкъ, бѣжавъ за ними,
Лишился многихъ благъ земныхъ.

Я вѣрю въ то, что неподвижно
Безсмертье вѣчной красоты,
Что шумъ мірской проходитъ мимо,
Со славы—сыплются листы!

Что есть въ мышленьяхъ наказанье,
Что сбитъ съ дороги умъ людской,
Что міръ погибнетъ безобразьемъ
И возродится—красотой!

115.

Мнѣ улыбаться надоѣло,
Улыбка на другихъ—претитъ!
Она лицо, что помертвѣло,
Совсѣмъ не кстати молодитъ.

Она настолько-же правдива,
По сути столько-же мелка,
Какъ умъ, величіе и храбрость
Въ лицѣ китайскаго божка.

116.

Меня въ загробномъ мірѣ знаютъ,
Тамъ много близкихъ, тамъ я—свой!
Они, я знаю, ожидаютъ...
А ты и здѣсь, и тамъ—чужой!

«Ему нѣтъ мѣста между нами»,—
Вольны умершіе сказать,—
«Мы всѣ, да, всѣ, живемъ сердцами,
«А онъ? Ему гдѣ сердце взять?

«Ему здѣсь будетъ несподручно,
«Онъ слишкомъ дерзокъ и уменъ;
«Жить въ томъ, чтȍ осмѣялъ онъ—скучно,
«Онъ не захочетъ быть смѣшонъ.

«Все имъ поруганное—видѣть,
«Что отрицалъ онъ—осязать,
«Безъ права лгать и ненавидѣть
«Въ необходимости—молчать!»

Ты предвкуси такую пытку:
Жить внѣ злословья, внѣ витійствъ!
Тамъ не подрѣжетъ Па̀рка нитку,
Не можетъ быть самоубійствъ!

Въ неисправимости былого
Подъ гнетомъ страшнаго ярма,
Ты, бѣдный, не промолвишь слова
И тамъ—не здѣсь—сойдешь съ ума!

117.

На сценахъ царскія палаты
Вдругъ превращаютъ въ лѣсъ и долъ;
Часть тащутъ кверху за канаты,
Другую тянутъ внизъ, подъ полъ.

Весной такъ точно льдины таютъ:
Отчасти ихъ лучъ солнца пьетъ,
Отчасти въ глубь земли сбѣгаютъ,
Шумя ручьями теплыхъ водъ!

Знать, съ насъ примѣръ беретъ природа:
Чтобъ измѣнить черты лица
И поюнѣть къ цвѣтенью года—
Весну торопитъ въ два конца...

118.

Чуть тронулись вешнія почки,
Открылся и глянулъ мой прудъ;
Любовно воркуютъ лягушки,
Но скоро и квакать начнутъ.

Минуютъ часы вожделѣній
И вешней любви суета,—
Наступитъ пора треволненій
И съ жизнью въ болотѣ счета̀.

Бѣднягамъ заквакать придется
О нуждахъ великихъ земли,
О томъ, о другомъ, о десятомъ...
Понятно: летятъ журавли!

119.

Въ конецъ окружены туманомъ прежнихъ дней,
Все неподвижнѣй мы, въ желаньяхъ тяжелѣй;
Все уже горизонтъ, беззвучнѣе мечты,
На все спускаются завѣсы и щиты...

Глядишь въ прошедшее, какъ въ малое окно;
Тамъ все такъ явственно, тамъ все озарено,
Тамъ свѣтятъ тысячи таинственныхъ огней;
А тутъ—совсѣмъ темно и, что ни часъ, темнѣй...

Весь свѣтъ прошедшаго какъ-бы голубоватъ.
Цвѣтъ взглядовъ юности! Давно погасшій взглядъ!
И самъ я освѣщенъ сіяніемъ зари...
Заря въ свершившемся! Любуйся и смотри!..

Какъ ясно чувствую и какъ понятно мнѣ,
Что жизнь была полнѣй въ той свѣтлой сторонѣ!
И что за даль видна за маленькимъ окномъ—
Въ моемъ свершившемся, чарующемъ, быломъ!

Вѣдь я тамъ былъ въ свой часъ, но я не сознавалъ.
И слышу ясно я—мнѣ кто-то прошепталъ:
«Молчи! Довольствуйся возможностью смотрѣть!
Но—чтобъ туда пройти—ты долженъ умереть!»

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

120.

О! какъ я люблю порою,
Утомившись разсуждать,
Надъ болтливою рѣкою
Посидѣть и помолчать!

Затихаетъ шумъ сомнѣній,
Примиряется разладъ;
Нѣтъ вопросовъ—нѣтъ рѣшеній!
Жизнь проста, я жизни радъ.

Счастливъ я вблизи природы—
Устраненъ въ себѣ самомъ,
Внѣ неволи, безъ свободы
И съ немыслящимъ умомъ.

121.

Травка всюду зеленѣетъ
Чуть, замѣтна, чуть видна́!
Солнце блещетъ! Вдругъ—бѣлѣетъ
Снова снѣга пелена!

Въ крупныхъ хлопьяхъ выпадаетъ
Снѣгъ. Но блещетъ неба высь!
Будто ихъ лазурь роняетъ...
И откуда вдругъ взялись?

И на каждомъ—солнце блещетъ,
Въ каждомъ искоркой горитъ;
Каждый, весь въ свѣту, трепещетъ
И скорѣй упасть спѣшитъ!

Подлѣ церкви снѣгъ кружится,
Липнетъ, къ стекламъ занесенъ,—
Или вздумалъ снѣгъ молиться?...
Знать, бѣду почуялъ онъ!

122.

Я помню ночь. Мы съ ней сидѣли.
Вдругъ—теплый дождь! Въ лучахъ луны
Всѣ капли въ немъ зазеленѣли,
Струясь на землю съ вышины.

Зажглась заря. Вновь упадая,
Всѣ капли ярко разожглись
И, въ блескѣ утреннемъ пылая,
Дождемъ рубиновъ пронеслись.

Гдѣ эта ночь съ ея значеньемъ?
Гдѣ годы тѣ? Гдѣ взять её?
И самъ живу я подъ сомнѣньемъ:
Остатокъ дней—не бытіе...

123.

Все на свѣтѣ, все безспорно,—
Стòитъ только захотѣть,
Вдохновенію покорно,
Можетъ пѣть и будетъ пѣть.

Камни, мхи, любовь и злоба,
Время, море, лучъ луны,
Смерть и сонъ—и врознь, и оба—
Будутъ пѣть и пѣть должны.

Пѣсни—дѣти мысли нашей,
Удивительный народъ!
Все становится въ нихъ краше,
Если въ плоть ихъ перейдетъ.

Тканью слова облекаясь
Въ помышленіи людей,
Жизнь природы, удвояясь,
Кажетъ лучше и полнѣй.

И поетъ въ насъ пѣсня вѣчно!
Какъ?—Никто постичь не могъ...
Богъ поэзіи, конечно,
И живой, и мощный Богъ!

124.

Соловья живыя трели
Въ свѣтлой полночи гремятъ,
Въ чувствахъ—будто акварели
Прежнихъ, свѣтлыхъ, дней скользятъ!

Рядъ свиданій, рядъ прощаній,
Рядъ божественныхъ ночей,
Чудныхъ ласкъ, живыхъ лобзаній...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
Можетъ-быть, на зло уму,
Эти грезы акварелей
Я за правду вдругъ приму!

Пой! Теперь еще такъ рано,
Полночь только-что прошла,
И сейчасъ изъ-за тумана,—
Вотъ сейчасъ,—она звала...

125.

Въ лиственной ча̀щѣ шумливо,
Если пахнётъ вѣтерокъ;
Шепчетъ по-своему живо,
Каждый—да, каждый—листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шума,
Ежели дрогнетъ хвоя̀!
Въ каждой иглѣ—своя дума,
Въ каждой—и пѣсня своя...

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
Радостнымъ чувствомъ объятъ,
Слушаешь, ищешь разгадки:
Что̀ тебѣ иглы шумятъ?

Пѣсенъ тѣхъ—тьмы, миріады,
Сверху зву̀чатъ, со сторонъ!
Тысячи ротиковъ рады
Пѣть, но съ тобой въ униссонъ.

Вотъ оттого-то средь шума
Вѣчно зеленой хвои
Тихо такъ двигаетъ дума
Свѣтлыя волны свои...

~~~~~~~~
~~~~~~~~

126.

Эта злая буря пронеслась красиво—
Налетѣла быстро, быстро и пропала;
Ясный день до бури, ясный—вслѣдъ за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко не даромъ:
Умертвила со̀сну многовѣковую,
Повалила на̀земь, обнажила корни...
Пла̀чу я надъ нею, глубоко тоскую!

Ну, такъ усыхайте, дѣвственные корни!
Нѣтъ, не пережить вамъ, корни, обнаженья!
Ты, хвоя̀, разсыпься пожелтѣлымъ прахомъ,—
Ты вѣдь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько, по соснѣ убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это—надъ собою самъ хозяинъ плачетъ...
Говорятъ, что бури этой было нужно!..

127.

Заря пройдетъ, заря вернется
И—въ безучастности своей—
Не можетъ знать, какъ сильно бьется
Больное сердце у людей.

А чтобъ заря не раздражала,
Своихъ огней для насъ не жгла,
Пускай-бы по̀ свѣту лежала
Непроницаемая мгла!

Что день грядущій? Что былое?
Все прахъ, все кончится въ пыли̇,—
А запахъ мирры и алоэ
Сойдетъ съ небесъ на трупъ земли...

128.

Опять Христосъ! Что Онъ межъ нами,
Что каплетъ кровь съ Его креста
На насъ, здѣсь, подлѣ, предъ глазами,
Не видѣть—злая слѣпота!

Христосъ вездѣ! Въ скитаньяхъ духа,
Въ незнаньи—гдѣ Ты, Богъ живой?..
Въ обманахъ мысли, взгляда, слуха,
Въ гордынѣ мудрости людской!

Онъ—страждетъ въ грубости желаній,
Въ страданьяхъ хилыхъ и больныхъ,
Въ ужасной музыкѣ рыданій
Безсчетныхъ горестей людскихъ.

Онъ—у безвинно-прокаженныхъ,
Онъ—въ толчеѣ дурныхъ страстей,
Онъ—въ грёзахъ мыслей воспаленныхъ
И даже въ творчествѣ людей.

Крестъ—у безвременной могилы;
Крестъ—въ безобразьи дикихъ сновъ
И въ нерѣшительности силы,
И въ тяжкомъ звяканьи оковъ...

Да, снова чуются пророки...
Подточенъ всякій идеалъ...
Горятъ евангельскія строки:
«Я къ вамъ пріиду!» Онъ долго ждалъ...

129.

Бѣжитъ по краю неба пламя,
Блеснули пò морю огни,
И дня поверженное знамя
Вновь водружается... Взгляни!

Сбѣжали тѣни всякихъ пу̀галъ,
И гномовъ темныя толпы
Сыскали каждая свой уголъ,
И всѣ они теперь слѣпы̀;

Не дрогнетъ листъ, и надъ травою—
Ни дуновенья; посмотри,
Какъ все кругомъ блеститъ росою
Въ священнодѣйствіи зари.

Душа и небо—единеньемъ
Объяты—нѣкій гимнъ поютъ,
Служа другъ другу дополненьемъ...
Увы! на нѣсколько минутъ.

130.

Я помню ужасъ смерти этой...
Сильна была любовь моя...
Какъ я къ усопшей, къ неотпѣтой,
Ходилъ въ тѣ дни—не помню я.
Но помню страстное желанье
Все, что имѣлъ тогда—отдать,
Чтобъ дорогое очертанье
Въ нетлѣнномъ камнѣ изваять,
Въ путинахъ ада или рая
Ее я выслѣдить хотѣлъ...
Я заболѣлъ! Весь смыслъ теряя,
Мой дикій бредъ—перегорѣлъ.
И что-жъ? Гдѣ вы, тѣхъ дней миражи?
Прошли года—мой духъ живой,
Не совершивъ у смерти кражи,
Забылъ о пыткѣ огневой.
И вотъ—портретъ съ ея чертами!..
Но холоднà моя душа...
Гляжу спокойными очами
И говорю: «Какъ хороша!..»

131.

Какъ думы мощныхъ скалъ, къ скалѣ и отъ скалы,
Въ лучахъ полуденныхъ проносятся орлы;
Въ расщелинахъ дубовъ и камней рождены,
Они на краткій срокъ огнемъ озарены—
И возвращаются отъ свѣтлыхъ облаковъ
Во тьму холодную родимыхъ тайниковъ,—

Такъ и мои мечты взлетаютъ въ высоту...
И вижу, что ни день, убитую мечту!
Все ту-же самую! Размѣры мощныхъ крылъ,
Размахъ ихъ виденъ весь!.. Но кто окровянилъ
Прострѣленную грудь? Убитая мечта,
Она—двуглавая: добро и красота!..

132.

Лѣсъ густой; за лѣсомъ—праздникъ
Здѣшнихъ мѣстныхъ поселянъ:
Клики, гулъ, обрывки рѣчи,
Тучи пыли—что туманъ.

Видно издали—мелькаютъ
Люди... Не понять-бы намъ,
Если-бы не знать причины:
Пляска, или драка тамъ?

Тѣ-же самыя сомнѣнья
Были-бъ въ мысляхъ рождены,
Если-бъ издали, случайно
Глянуть въ жизнь со стороны.

Праздникъ жизни, бойня жизни,
Клики, говоръ и туманъ...
Непонятное верченье
Краткосрочныхъ поселянъ.

133.

Славный снѣгъ! Какая роскошь!..
Все, что́ осень обожгла,
Обломала, сокрушила,
Ткань густая облегла.

Эти свѣтлые покровы
Шиты въ мѣрку, въ самый разъ,
И чаруютъ бѣлизною
Къ сѣрой мглѣ привыкшій глазъ.

Неспокойный, рѣзкій вѣтеръ,
Онъ—закройщикъ и портной—
Срѣзалъ все, что̀ было лишнимъ,
Свѣялъ на̀-землю долой...

Крѣпко, плотно сшилъ морозомъ,
Искръ навѣялъ безъ числа...
Платье было-бъ безъ износа,
Если-бъ не было тепла,—

Если-бъ оттепель порою,
Разрыхляя ткань снѣговъ,
Какъ на зло, водою талой
Не распарывала швовъ...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

134.

Повиснулъ хмѣль съ жердей забора,
И снасть съ рѣки убралъ рыбакъ;
Въ остаткахъ прежняго убора
Лѣсъ замолчавшій полунагъ.

Какъ длинны сумерки! Какъ мàлы
Просвѣты неба. Въ облакахъ
Нѣтъ жизни и лежатъ устàлы
Въ другъ дружку давящихъ слояхъ.

И въ людяхъ бытіе любое,
Когда приблизится разсчетъ,
И все почти уйдетъ въ былое—
Такой-же обликъ намъ даетъ.

А тамъ придетъ гробокопатель,
Предвѣстникъ смерти—сѣдина!..
Ты красишь волосы, пріятель...
Какая чудная весна!

135.

Какъ на свѣчку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умираютъ,—
Такъ его безчувственную душу
Тѣни мертвыхъ, молча, окружаютъ.

Нѣтъ уликъ! А самъ онъ такъ спокоенъ;
Съ юныхъ лѣтъ въ довольствѣ очерствѣлый,
Смѣло шелъ онъ по широкой жизни
И идетъ, красиво посѣдѣлый.

Онъ срывалъ однѣ лишь только розы,
Цвѣтъ срывалъ, шиповъ не ощущая;
Въ чудный панцырь правъ своихъ закованъ —
Сѣялъ онъ страданья, не страдая.

О, Господь! Да гдѣ-же справедливость?
Божья месть! Тебя не обрѣтаютъ!
Смолкли жертвы, ихъ совсѣмъ не слышно,
Но зато — свидѣтели рыдаютъ...

136.

Юность напрасно отъ старшихъ сторо̀нится!
Старшіе — кроткій, хорошій народъ...
Больше надеждъ нами въ землю хоро̀нится,
Чѣмъ въ колыбеляхъ младенцевъ цвѣтетъ!

137.

Во мнѣ спокойно спятъ гиганты,
Тѣ, что вступали съ небомъ въ бой:
Ветхозавѣтные пророки,
Изида съ птичьей головой;

Спятъ тѣ, что видѣли Агру
И посѣщали Пританей,
Тѣ, что когда-то покрывали
Багряной сѣнью Колизей;

Почіютъ рати крестоносцевъ,
Славянскій сонмъ богатырей,
И ненавистный Торквемада
Въ кругу чернѣющихъ друзей;

Спятъ надушонныя маркизы,
Порой хихикая сквозь сонъ,
И въ русскомъ мраморѣ, въ тивдійскомъ,
Положенъ спать Наполеонъ.

И всѣ они, какъ-будто зерна
Въ своихъ скорлупкахъ по веснѣ,
Въ свой срокъ способны раскрываться
И жить, не въ первый разъ, во мнѣ!

И что за звонъ, и что за грохотъ,
И что за жизненность картинъ,
Тогда несущихся по мыслямъ,—
Имъ счета нѣтъ — а я одинъ!

Какая связь межъ всѣми ими
И мной? Во тьмѣ грядущихъ дней,
Какое мѣсто будетъ нашимъ
Въ грядущихъ памятяхъ людей?

О, нѣтъ! Не кончено творенье!
Богъ продолжаетъ создавать
И, чтобы міръ былъ необъятнѣй,
Онъ научилъ — не забывать!

138.

Смотри впередъ, внѣ нынѣшней минуты!
Въ той, что идетъ, не властенъ ты вершить;
Такъ велики условій жизни путы,
Что ихъ тебѣ ни снять, ни сокрушить.

Безсиленъ ты, — какъ конь въ степи стреноженъ.
Что̀ въ томъ, что онъ, какъ вѣтеръ, быстръ и смѣлъ?
Когда-то раньше былъ твой бѣгъ возможенъ;
Помчаться могъ-бы ты — но не съумѣлъ.

Смотри впередъ! Увидишь просвѣтленье!
Теперь, сейчасъ сознай, предупреди —
И будешь ты хозяиномъ движенья
Съ отвагой въ мысляхъ и огнемъ въ груди.

О, вѣрь мнѣ, вѣрь! Когда-бы люди знали,
Что̀ значитъ властвовать въ минутѣ, что идетъ,
И, вѣруя въ себя, безъ страха, безъ печали,
Могли смотрѣть сознательно впередъ!..

139.

Еще недавно, пòлонъ силы,
Онъ былъ и ласковъ, и уменъ,—
Онъ понималъ людей живущихъ
И зналъ людей былыхъ временъ.

Теперь осунулся всѣмъ тѣломъ,
Не говоритъ—бормочетъ вслухъ;
Онъ живъ еще, порой смѣется,
Но отлетѣлъ безсмертный духъ!

И не понять совсѣмъ, чтò движетъ
И не даетъ сложить костей
Ходячей мумiи въ прогулкахъ
Ея по торжищамъ людей...

140.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчитъ... Такая тишина,
Что комаровъ полночныхъ пѣсня
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и то-же море
Нещадно бьетъ вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ стенаній,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ-же!.. Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладья.

Ей все равно: что тишь, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей,
Прочти названье: «Все проходитъ!»
Ладьи не купишь,—самъ построй!

141.

Погасало въ нихъ былое,
Часъ разлуки наступалъ;
И, принявъ рѣшенье злое,
Наконецъ, онъ ей сказалъ:

«Поднеси мнѣ эту чашу!
Въ ней я выпью смерть свою!
Этимъ связь разрушу нашу—
Дамъ свободу бытію!

«Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Во́лю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Мо̀лча, медленно, высо̀ко
Подняла ее она
И—быстрѣй мгновенья ока
Осушила всю, до дна...

142.

Мой стихъ, — онъ не лишенъ значенья:
Тѣ люди, что теперь живутъ,
Себѣ родныя отраженья
Увидятъ въ немъ, когда прочтутъ.

Да, въ этихъ очеркахъ правдивыхъ
Не скрыто мною ничего!
Черты въ нихъ — больше некрасивыхъ,
А краски — сѣрыхъ большинство!

Но, если мы безцвѣтны стали, —
Въ одномъ нельзя намъ отказать:
Мы — раздроблённыя скрижали,
Хоть иногда, не прочь читать!

Какъ-бы ауканье лѣсное
Иль эха чуткаго отвѣтъ,
Порой доходитъ къ намъ былое...
Дойдетъ-ли къ внукамъ? Да, иль нѣтъ?!..

143.

Полдень декабрьскій! Природа застыла;
Грузнаго неба тяжелую высь,
Будто надолго, свинецъ и чернила
Всюду окрасить любовно взялись.

Смутныя мысли бѣгутъ и вѣщаютъ:
Тамъ, съ поднебесной, другой стороны
Свѣтлыя краски теперь проступаютъ;
Тучи обласканы, жизни полны.

Грустно тебѣ! Тяжело непомѣрно,
Душу твою мракомъ дня нагнело...
Слушай, очнись! Несомнѣнно, навѣрно
Гдѣ-нибудь сыщешь и свѣтъ, и тепло.

144.

Въ чудесный день высь неба голубая
Была свѣтла;
Звучали съ церкви, башню потрясая,
Колокола.

И, что ни звукъ, то новыя видѣнья
Безплотныхъ силъ...
Онѣ свершали нà землю схожденья
Поверхъ перилъ.

Онѣ, къ землѣ спустившись, отдыхали
Вблизи, вдали...
И незамѣтно, тихо погасали
Въ тѣняхъ земли...

И я не зналъ подъ обаяньемъ звона:
Чтò звукъ, чтò свѣтъ?
Для многихъ чувствъ нѣтъ мѣры, нѣтъ закона
И прозвищъ нѣтъ!..

145.

Заката свѣтлаго пурпу̀рные лучи
Стремятся на̀ гору съ синѣющей низѝны,
И ярче пламени въ открывшейся печѝ
Пылаютъ сосенъ темныя вершины...

Не такъ-ли въ Альпахъ горные снѣга
Горятъ, когда внизу синѣетъ тьма тѣнями...
Жизнь родины моей! О, какъ ты къ намъ строга,
Какъ не балуешь насъ роскошными дарами!

Мы силами мечты должны возсоздавать
И дорисовывать, чего мы не имѣемъ;
То, что̀ другимъ дано, намъ надо отыскать,
Намъ часто не собрать того, что̀ мы посѣемъ!

И въ нашемъ творчествѣ должны мы превозмочь
И зиму долгую съ тяжелыми снѣгами,
И безразсвѣтную, томительную ночь,
И тьму безвременья, сгущенную вѣками...

146.

Еще одинъ остался часъ,
И—эта масляница сгинетъ,
И, ставъ задумчиво средь насъ,
Великій постъ свой ликъ продвинетъ.

А по пятамъ за нимъ весна
Придетъ съ улыбкой искушенья
И всѣ усилія говѣнья
Нарушитъ первая—она!

Да, людямъ, въ чаяньи свободы,
На долгомъ жизненномъ пути
Успокоенья не найти
Въ цѣпяхъ законовъ и природы.

Маня къ себѣ исподтишка,
Жизнь, словно хищница въ засадѣ,
Насъ, въ прирожденномъ намъ разладѣ,
Бьетъ наповалъ, навѣрняка!

147.

А! Ты не вѣрила въ любовь! Такъ хороша,
Такъ явственно умна и гордостью богата,
Вся въ шелестѣ шелковъ и вѣеромъ шурша,
Ты зло вышучивала и сестру, и брата!
Какъ вѣтеръ царственный въ немѣрянной степи,
Ты, беззаботная, по жизни проходила...
Теперь, красавица, ты тоже полюбила,
Насмѣшки кончились... Блаженствуй и терпи!

148.

Заволокнулись мысли къ ночи
И, какъ туманъ въ мѣстахъ сырыхъ,
Лежатъ недвижными слоями,
И обѣляетъ мѣсяцъ ихъ.

Недавно всѣ онѣ бродили,
Вились свободно межъ вѣтвей
И, въ тѣнь уйдя, не признавали
Докучныхъ мѣсяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
Ты, мѣсяцъ, алчущій старикъ,
Цѣлуешь ихъ и беззазорно
Къ ихъ мертвымъ прелестямъ приникъ.

Цѣлуй!... Когда заря зажжется,
Убьютъ ея огней струи—
И ихъ замученную прелесть,
И ласки жадныя твои.

149.

Не насѣдайте на меня отвсюду,
Не говорите сразу, всѣ, толпой,
Смутится мысль моя, и я сбиваться буду,
Вы правы будете, сказавши: «Онъ смѣшной!»

Но, если, медленно окрѣпнувши, въ раздумьѣ
Я, наконецъ, молчаніе прерву,
Я, будто въ морѣ, въ вашемъ скудоумьѣ,
Подъ прочнымъ парусомъ спокойно поплыву.

Что я молчалъ такъ долго, такъ упорно,
Не признакъ слабости мышленья и души...
Не все то дрябло, хило, что̀ покорно...
Большія силы копятся въ тиши!

150.

Кто утомленъ, тому природа—
Великій другъ, по сердцу братъ,
Въ ней что-нибудь всегда найдется
Душѣ звучащее подъ ладъ.

Глядишь на рощу; въ колыханьѣ
Она шумитъ своей листвой,
И, мнится, будто, противъ воли,
Ты колыханью рощи—свой!

Зажглись-ли въ небѣ хороводы,
И блещутъ звѣзды въ вышинѣ;
Глядишь на нихъ—онѣ двоятся
И ходятъ также и во мнѣ...

151.

Какъ вы мнѣ любы, полевые
Глубокой осени цвѣты!
Несвоевременныя грёзы,
Не въ срокъ возникшія мечты!..

Вы опоздали въ жизнь явиться;
Васъ жгутъ морозы на зарѣ;
Вамъ въ маѣ надобно родиться,
А вы родились въ октябрѣ...

Отвѣтъ ихъ: «Мы не виноваты!
Насъ не хотѣли опросить,
Но мы надеждою богаты:
Къ зимѣ не будутъ насъ косить!»

152.

Когда-бы всѣ былыя силы,
То, что̀ зовутъ у насъ душой
Отъ ранней юности направить
Одною ясною стезей;

Когда-бъ, избравъ одно призванье,
Счастливецъ въ жизни не блуждалъ,—
Его почтили-бъ дружбой равной
Астарта, Бахусъ и Ваалъ.

Но мы прямыхъ дорогъ не знаемъ:
Блуждаемъ, и, въ концѣ концовъ,
Насъ зацѣловываютъ на̀-смерть
Одинъ иль два изъ тѣхъ боговъ!

153.

Не можетъ юноша, увидѣвъ
Тебя, не млѣть передъ тобой:
Такъ ты волшебна, такъ чаруешь
Средневѣкòвой красотой!

И мнится мнѣ: ты—шателѐнка;
По зàмку арфы вкругъ звучатъ,
Къ тебѣ въ плюмажахъ и беретахъ
Съ поклономъ рыцари спѣшатъ.

И я въ раздумьѣ: кàкъ-бы это
И мнѣ, съ лоснящимся челомъ,
Въ числѣ пажей и кавалеровъ
Явиться въ обществѣ твоемъ?

И я рѣшилъ: стать звѣздочетомъ,
Одѣться въ бархатъ—тьмы темнѣй,
На колпакѣ остроконечномъ
Нашить драконовъ, совъ и змѣй;

Тогда къ тебѣ для гороскопа,—
Чтобъ остеречь отъ золъ и бѣдъ,—
Въ полночный часъ въ опочивальню
Я буду призванъ на совѣтъ.

Тогда, подъ кровомъ ночи звѣздной,
Тебѣ толкуя зодіакъ,
Я буду счастливъ, счастливъ... Только
Боюсь, чтобъ не слетѣлъ колпакъ!

154.

Славный вождь годовъ далекихъ!
Съ кѣмъ, тебя, скажи, сравню?
Былъ костеръ—въ тебѣ я вижу
Сиротинку-головню.

Все еще она пылаетъ...
Нѣтъ не то! Ты—старый дубъ,
Въ третьемъ царствованьи крѣпокъ
И никѣмъ не взятъ на срубъ.

Много бурь въ тебѣ гудѣло,
И, спускаясь сверху внизъ,
Молній падавшихъ удары
Въ ленту черную свились.

Все былое одолѣлъ ты
Отъ судебъ и отъ людей;
Не даешь ты, правда, цвѣта,
Не приносишь желудей...

Но зато листвою жесткой
Отвѣчать совсѣмъ не прочь
И тому, что̀ день подскажетъ,
Что̀ тебѣ нашепчетъ ночь!...

Голоса̀ твоей вершины—
Въ общей музыкѣ безъ словъ—
Вторятъ мощнымъ баритономъ
Тенорамъ молодняковъ...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

155.

Не зналъ я, что разладъ съ тобою,
Всю жизнь разбившій пополамъ,
Дохнётъ нежданной теплотою
Навстрѣчу позднимъ сѣдинамъ.

Да!.. Я изъ этого разлада
Позналъ, что̀ значитъ тишина,—
Какъ велика ея отрада
Для тѣхъ, кому она дана...

Когда-бъ не это,—безъ сомнѣнья,
Я, даже и на склонѣ дней,
Не оцѣнилъ-бы единенья
И счастья у чужихъ людей.

Теперь я чувства тѣ лелѣю,
Люблю, какъ ландышъ—близость мховъ,
Какъ любитъ бабочка лилею —
Замѣтнѣй всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

156.

Почву сухую лопатою я опрокинулъ,—
Только лишь къ свѣту сырая подпочва взглянула,
Сохнуть она начала́; еле взглядомъ окинулъ,
Влага исчезла, въ лазури небесъ утонула...

Высохла почва! А влага? Ея незамѣтно;
Ей къ небесамъ удалось отлетѣть; тамъ привѣтно...
Думы мои заповѣдныя! Васъ я рождаю;
Гдѣ вы теперь—мнѣ невѣдомо... Я—усыхаю!

157.

Когда я здѣсь, я не могу писать;
Въ строкахъ набрасываю только впечатлѣнья,
Чтобы зимой мечтамъ предоставлять
Отдѣлку смысла ихъ и правду заключенья.

Здѣсь много такъ и красокъ, и тѣней;
Тутъ столько прелестей отвсюду возникаетъ,
Что, мнится, тѣсно всей душѣ моей;
И слово, мысли вслѣдъ, идти не поспѣваетъ.

Зато зимой, когда не будетъ ихъ,
Они таинственно возникнутъ предо мною—
Во всей ихъ правдѣ, въ краскахъ молодыхъ,
Съ очарованіемъ и скромной простотою.

И буду въ нихъ, какъ въ рощахъ я гулять,
Въ нихъ буду счастливъ я, во мнѣ настанетъ лѣто,
О чемъ мечталъ—съумѣю домечтать,
Что не допѣто мной, то будетъ въ срокъ допѣто...

158.

Полно! Прислушайся къ пѣснѣ...
Можетъ-быть, въ душу твою
Ласковыхъ звуковъ порядокъ
Мирную пуститъ струю.

Можетъ-быть, если смиришься,
Будетъ покой тебѣ данъ,
Если вышучивать бросишь
Жгучесть печалей и ранъ.

Мало-ль, что̀ есть... Нерушима
Общая людямъ стезя:
Въ жизни людской—какъ и въ пѣснѣ—
Выкинуть слова нельзя!

159

Гляжу на сосны,—мощь какая!
Взгляните хоть на этотъ сукъ:
Его спилить нельзя такъ скоро,
И нужно много, много рукъ...

А этотъ? Что за искривленье!
Когда-то, сотни лѣтъ назадъ,
Онъ былъ, бѣдняга, изувѣченъ,
Былъ какъ-нибудь пригнутъ, помятъ.

Онъ въ искривленіи старинномъ
Возросъ—и мощенъ, и здоровъ—
И дремлетъ, будто помнитъ рѣчи
Всѣхъ имъ прослушанныхъ громовъ.

А вотъ вблизи—сосна другая:
Ничѣмъ не тронута, она,
Шатромъ вѣтвей не расширяясь,
Взросла—красива и стройна...

Но отчего намъ, людямъ, ближе
И много больше тѣшатъ взоръ
Вѣтвей изломы и изгибы
И ихъ развѣсистый шатеръ?

160.

Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ?
Вволю, всласть души?
Санки крѣпки, очи зорки,
Кони хороши...

И несчитанныя версты
Понеслись назадъ,
Гдѣ-то, мнится, берегъ дальній
Различаетъ взглядъ.

Кони шибче, веселѣе,
Мчатъ во весь опоръ...
Море мѣста прибавляетъ,
Шире кругозоръ.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А несчитанныя версты
Сзади собрались
И кричатъ, смѣясь, въ-догонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нѣтъ въ нихъ силы,
Клонятъ морды въ снѣгъ...
Ну, пускай другой, кто хочетъ,
Продолжаетъ бѣгъ!

И не въ томъ теперь, чтобъ дальше...
Всюду—ширь да гладь!
Вонъ какъ вдругъ запорошило..
Будемъ умирать!

161.

Здѣсь роща, помню я, стояла,
Бѣжалъ ручей,—онъ отведенъ;
Оврагъ, сырой дремоты полный,
Весь въ тайнобрачныхъ—оголенъ
Огнями солнца; и пески
Свиваетъ вѣтеръ въ завитки!

Гдѣ вы, минуты вдохновенья?
Бывала вами жизнь полна,
И по мечтамъ моимъ счастливымъ
Шла лучезарная волна...
Все это съ рощей заодно
Куда-то въ даль унесено!..

Воскресни, міръ былыхъ мечтаній!
Возникни, жизнь былыхъ годовъ!
Ты заблести, ручей, волнами
Вдоль оживленныхъ береговъ...
Міръ тайнобрачныхъ, вновь покрой
Меня волшебною дремой!

162.

Что̀ имъ стиха размѣрный звонъ?
Отъ нихъ смѣшки и отрицанье...
Но прозвучитъ для нихъ и онъ
И грозно вынудитъ признанье.

Какъ? Неизвѣстно! Можетъ-быть,
Услышатъ въ нѣкій часъ, ревнуя,
Какъ стихъ, просящій полюбить,
Смутитъ ихъ женъ для поцѣлуя...

Быть можетъ, въ тягости труда
Поймутъ, какъ пѣсня ободряетъ,
Иль въ тяжкомъ горѣ—какъ тогда
Родная пѣсня ублажаетъ?

Но ужъ навѣрное для нихъ,
Совсѣмъ не требуя ихъ мнѣнья,
Заголосятъ надгробный стихъ,
И это будетъ—безъ сомнѣнья!

163.

Сквозь листву неудержимо
Тихо льетъ церковный звонъ,
Уносясь куда-то мимо
Въ безконечность всѣхъ сторонъ.

Сквозь большіе непорядки
Душъ людскихъ—добро скользитъ...
Гдѣ и въ чемъ его зачатки?
И какой влечетъ магнитъ?

Дивной силой притяженья
Кто-то долженъ обладать,
Чтобы свѣтлыя явленья
Въ тьмѣ кромѣшной вызывать.

164.

Ночь такъ длинна! О, нѣтъ, довольно!
Душа—какъ тѣло—устаетъ,
И мозгу бѣдному такъ больно,
И сердце въ грудь такъ мощно бьетъ.

Мечты, какъ тѣни, возникаютъ;
Видѣнья, вкругъ меня скользя,
Такъ льнутъ, такъ дружно обнимаютъ,
Что мнѣ дохнуть сквозь нихъ нельзя...

Подъ утро—сгинуть навожденью,
Когда услышу отъ рѣки
Призывъ къ церковному служенью,
А дома—дѣтокъ голоски!

165.

Серебряный сумракъ спустился,
И сходитъ на землю покой;
Мнѣ слышно движеніе лодки,
Удары весла за горой...

Пловецъ, мнѣ совсѣмъ неизвѣстный,
Отъ сердца скажу: добрый путь!
На трудъ-ли плывешь ты, на радость,
На горе-ли,—счастливымъ будь!

Я такъ преисполненъ покоя,
Я такъ имъ богатъ, что возьми
Хоть часть,—мнѣ достанетъ дѣлиться
Со всѣми, со всѣми людьми.

166.

Молчи! Не шевелись! Покойся недвижимо...
Не чуешь-ли судебъ движенья надъ тобой?
Колесъ какихъ-то ходъ свершается незримо,
И рычаги дрожатъ другъ другу въ-перебой...
Смыкаются пути какихъ-то колебаній,
Разсчеты тайныхъ силъ приводятся къ концу,
Наперекоръ уму, безъ права пожеланій,
И не по времени, и правдѣ не къ лицу...
О, если-бъ, кажется, съ судьбою въ бой рвануться!—
Какой-бы мощности порывъ души достигъ...
Но ты не шевелись! Колеса не запнутся,
Противодѣйствіе напрасно въ этотъ мигъ.
Повѣрь: свершится то, чему исходъ намѣченъ...
Но, если на борьбу ты не потратилъ силъ
И этою борьбой въ конецъ не изувѣченъ—
Ты можешь вновь пойти... Твой часъ не наступилъ.

167.

Тучи декабрьскія! Око за око!
Я, какъ и вы, только съ виду тоскливъ,
Въ мысли и въ сердцѣ я веселъ глубоко,
Тайну веселья познавъ, но сокрывъ.

Тайна простая: «тѣмъ лучше, чѣмъ хуже!»
Гляньте на солнце! Чуть только взойдетъ,—
Тотчасъ склоняется, мерзнетъ на стужѣ
И. испугавшись, подъ землю идетъ.

Спрячется! Лѣзутъ отвсюду туманы!..
Холодно, бо́язно, скучно, темно...
Царствуютъ вьюги, бушуютъ бураны...
Солнце—причина, виновно оно!

Чуть отогрѣетъ, сейчасъ исчезаетъ...
Тамъ-бы и грѣть ему, гдѣ холоднѣй!
То-же и въ людяхъ: гдѣ жизнь нагнетаетъ,
Падаютъ духомъ и смотрятъ грустнѣй.

Мысль, это—солнце! Кто мыслью слабѣетъ,
Съ зимняго солнца образчикъ беретъ:
Ждетъ, чтобы глянуть, когда потеплѣетъ—
Ждетъ, чтобъ другіе согрѣли... Прождетъ!

168.

Какая засуха!.. Отъ зноя
Къ землѣ всѣ травы прилегли...
Не подалась-ли ось земная,
И мы подъ тропикъ подошли?

Природа-мать—лицепріятна;
Вѣдь, по разсказамъ, не слыхать,
Чтобы въ Сахарѣ, или въ Коби
Могли вдругъ льдины наростать?

А здѣсь, на сѣверѣ, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумѣвъ,
Совсѣмъ далёко въ даль ушло...

169.

Не храни ты ни бронзы, ни книгъ,
Ничего, что изъ прошлаго цѣнно,
Все, повѣрь мнѣ, возьметъ старьевщикъ,
Все пойдетъ по рукамъ—несомнѣнно.

Тѣ почтенные люди прошли
Что касались былого со страхомъ,
Тѣ, что письма отцовъ берегли,
Не пускали ихъ памятей прахомъ.

Гдѣ старинные эти домà—
Съ ихъ сѣдыми какъ лунь стариками?
Дѣды гдѣ? Гдѣ ихъ опытъ ума,
Гдѣ слова ихъ—не шутки словами?

Весь источенъ сердецъ нашихъ міръ!
Въ чемъ желать, въ чемъ искать обновленья?
И жирѣетъ могильный вампиръ
Урожаемъ годовъ оскудѣнья...

170.

Надъ глухимъ болотомъ буря развернулась!
Но молчить болото, ей не отвѣчаетъ,
Въ мохъ оно одѣлось, въ тину завернулось,
Только стебельками острыхъ травъ качаетъ.

Восклицаетъ буря: «Ой, проснись, болото!
Проступи ты къ свѣту зыбью и сверканьемъ!
Ты совсѣмъ иное испытаешь что-то
Подъ моимъ могучимъ творческимъ дыханьемъ.

«Я тебя немного, правда, взбаломучу,
Но зато твои я мертвенныя воды
Породню, чуть только опрокину тучу,
Съ влагою небесной, съ дѣтищемъ свободы!

«Дамъ тебѣ вздохнуть я! Свѣту дамъ трясинѣ!
Громъ мой, громъ веселый, слышишь, какъ хохочетъ!»
Но молчитъ болото и, погрязши въ тинѣ,
Ничего иного вовсе знать не хочетъ.

171.

Порой, въ октябрьское ненастье,
Вдругъ загорится солнца лучъ,
Но тотчасъ быстро погасаетъ, —
Туманъ такъ вязокъ, такъ тягучъ.

И говоритъ земля туману:
«Не обнажай моихъ красотъ!
Я такъ устала жаркимъ лѣтомъ,
Въ моихъ красо́тахъ недочетъ.

«Я такъ безсильна, такъ помята,
Глаза сіянья лишены,
Поблекли губы, косы сбиты,
А плечи худы и́ блѣдны.

«Закрой меня! Но день настанетъ,
Зимой успѣю отдохнуть,
Повѣрь мнѣ, я сама раскрою
Свою окрѣпнувшую грудь!»

Сказала и, закрывши очи,
Земля слабѣющей рукой
Спѣшитъ, какъ пологомъ, туманомъ
Прикрыть усталый обликъ свой.

~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~

172.

Яркихъ цвѣтовъ миріады,
Почки раскрывши, цвѣтутъ!
Нѣжно росистые взгляды
Къ небу далекому шлютъ.

«Много насъ въ пышномъ расцвѣтѣ»,—
Стали цвѣты говорить,—
Больше, чѣмъ женщинъ на свѣтѣ,
Даже нельзя и сравнить!»

Слышатъ древесныя вѣтки,
Стали цвѣтамъ отвѣчать:
«Полно вамъ, милыя дѣтки,
Бѣзъ толку хоромъ болтать!

«Всѣ вы—жильцы на мгновенье;
Женщина—долго цвѣтетъ...
Сколько-же съ нею въ сравненье
Вашихъ-то жизней пойдетъ?»

Въ юности, въ годы волненій,
Быстро по жизни скользя,
Глупыхъ такихъ разсужденій
Вѣтокъ подслушать нельзя.

173.

Люблю я время увяданья...
Повсюду валятся листы;
Лишась убора, умаляясь,
Въ ничто скрываются кусты;

И обмирающія травы,
Пригнувшись, въ землю уходя,
Какъ-будто шепчутъ, исчезая:
«Мы всѣ вернемся, погодя!

«Тамъ подъ землей мы потолкуемъ
О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
Для собесѣдованій важныхъ
Необходима тишь земли!»

174.

О, неужели-же на самомъ дѣлѣ правы
Глашатаи добра, красотъ и тишины,
Что такъ испорчены и помыслы, и нравы,
Что надобно желать всѣхъ ужасовъ войны?

Что дальше нѣтъ путей, что снова проступаетъ
Вся дикость прежняя, что, не спросясь, сплеча,
Работу тихую мышленья прерываетъ
И неожиданный, и злой ударъ бича...

Что воздухъ жизни затхлъ, что ржавчина и плѣсень
Такъ въ людяхъ глубоки́ и такъ тлетворна гниль,
Что нужны: пушекъ ревъ, разгулъ солдатскихъ пѣсень,
Полей встревоженныхъ мерцающая пыль...

Людская кровь нужна! И стонъ, и бредъ больницы,
И сироты въ семьяхъ, и скорби матерей,
Чтобъ чистую слезу вновь вызвать на рѣсницы
Не вразумляемыхъ другимъ путемъ людей,—

Чтобъ этимъ ихъ поднять, и жизни цѣль поставить
И дать задачу имъ по силамъ, по плечу,
Чтобъ добрый пастырь могъ придти и мирно править
И на торгующихъ не прибѣгать къ бичу...

175.

Глядишь открытыми глазами
Величью полночи въ лицо,
И вдругъ съ рѣки, иль за кустами
Раздастся крѣпкое словцо!

Возможна-ль жизнь безъ нарушеній?
Но надо выдержать умѣть
И неприглядность дерзновеній
Скорѣй какъ можно одолѣть.

Они—вездѣ, хоть ихъ не просятъ,
Да и предвидѣть ихъ нельзя...
Такъ пусть-же вѣтры ихъ разносятъ—
Имъ, какъ и намъ—своя стезя!

176.

Какъ мирно мы сидимъ, какъ тихо...
А, между тѣмъ, весь шаръ земной,
Пространствъ невѣдомыхъ шумиха,
Несется съ адской быстротой!
Близъ насъ и свѣчи не дрожатъ,
А зѐмли и моря̀ летятъ!

Какъ бурно въ сердцѣ! Валъ за валомъ
Грохочатъ чувства и мечты!
Потрясены и я, и ты...
Но глянь вокругъ! Въ полуусталомъ,
Въ блаженномъ снѣ, глубокомъ снѣ
Весь міръ спокоенъ при лунѣ...

Всѣ наши правды и сомнѣнья
Все это создалъ умъ людской:
Намъ только кажутся движенья,
Намъ только чуется покой...
Что бездны звѣздъ! Вѣдь безднъ такихъ
Такъ много, какъ и глазъ людскихъ!

Да, міръ и всѣ его основы—
Свои для каждаго изъ насъ!
Я умеръ—цѣлый міръ погасъ!
Ты родился—возникнулъ новый:
Тѣмъ несомнѣннѣй, тѣмъ полнѣй,
Чѣмъ ярче мысль души твоей!

Для нищихъ духомъ—нѣтъ сомнѣнья,
Сводъ неба твердъ, лежитъ шатромъ;
Весь кругозоръ ихъ въ силѣ зрѣнья,—
Ихъ нѣтъ въ грядущемъ, нѣтъ въ быломъ!
Нѣтъ чувства безднъ для ихъ умовъ.
Нѣтъ пониманья, нѣтъ и словъ...

177.

Гораздо больше позабыто,
Чѣмъ жизнь намъ новаго даетъ!
Что было въ дѣтствѣ пережито,
То ярко въ памяти живетъ.

А то, что̀ только-что, недавно
Въ усталой памяти легло,—
То—блѣдно, мертвенно, безправно
И только отблескомъ свѣтло...

Дни дѣтства—дни произрастаній
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопныхъ очертаній
Съ ихъ мощной, дерзкой красотой.

178.

Стучатъ на пруду моемъ капли,
Идетъ звуковой перебой...
Эстонецъ и нѣмецъ, и русскій
Ихъ слышатъ—одинъ, какъ другой.

Но гдѣ тотъ предѣлъ ощущеній,
За гранью которыхъ дано
Великимъ и малымъ народамъ
Познать, а не слышать, одно?

Сбиваютъ ихъ звуки былого,
Прошедшихъ насилій слѣды,
Печали великихъ скитаній
И ярость исконной вражды!

По-своему всѣ они правы,
Различны въ нихъ вѣянья думъ...
Но капли, когда упадаютъ,—
Для всѣхъ одинаковъ ихъ шумъ!

179.

Горитъ, горитъ безъ копоти и дыма
И всюду сыплется по осени листва...
Зачѣмъ, печаль, ты такъ неодолима,
Такъ жаждешь вылиться и въ звуки, и въ слова?

Ты мнѣ свята̀, моя печаль родная,—
Не тѣмъ свята̀ ты мнѣ, что ты—печаль моя;
Тебя порою въ пѣснѣ оглашая,
Совсѣмъ не воленъ я, пою совсѣмъ не я!

Поетъ во мнѣ не гордость самомнѣнья...
Нѣтъ, плачъ души слагается въ размѣръ,
Одинъ изъ стоновъ общаго томленья
И безнадежности всѣхъ чаяній, всѣхъ вѣръ!

Вотъ оттого-то кто-нибудь и гдѣ-то
Во мнѣ отзвучія своей тоскѣ найдетъ;
Быть можетъ, мной яснѣе будетъ спѣто,
Но онъ, по-своему, со мной одно поетъ.

180.

Въ васъ о поэзіи смѣшное представленье,—
Поэзія—не сонъ, не лѣтопись, не бредъ!
Поэтомъ въ жизни стать—совсѣмъ не наслажденье,
Какъ тяжело имъ быть—оцѣнитъ лишь поэтъ!

Но только истинный, имѣющій призванье...
Не тріумфаторъ онъ, не жрецъ и не пророкъ,—
Ѳома невѣрящій, припавшій къ осязанью
И къ поклоненью язвамъ рукъ и ногъ.

181.

Меня здѣсь нѣтъ. Я тамъ, далёко,
Тамъ, гдѣ-то, въ дняхъ пережитыхъ!
За далью ихъ—не видитъ око
И нѣтъ свидѣтелей живыхъ.

Я тамъ, весь тамъ, за сѣрой мглою!
Здѣсь нѣтъ меня; другимъ я сталъ,
Забывъ, гдѣ былъ я самъ собою,
Гдѣ быть собою пересталъ...

182.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
Рѣжетъ мачтой небеса;
Лебединой бѣлой грудью
Онъ подъ вѣтромъ налился.

Море тихо, волны кротки
И кругомъ—вездѣ лазурь!
Не бываетъ въ сердцѣ горя,
Не бываетъ въ небѣ бурь!..

Я плыву въ сіяньи солнца.
Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
Я совсѣмъ не старъ, я молодъ,
И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, какъ прежде,
Снизошла ко мнѣ сюда.

Вмѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
Солнце блескъ разлило свой,
И знакомыя мнѣ косы
Льнутъ къ волнамъ своей волной.

Устъ дыханье ароматно!
Грудь, какъ прежде, высока...
Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
И къ моленьямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Иль пугаетъ
Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
Юность! О, прости, голубка...
Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

183.

Здѣсь все мое!—Высь небосклона
И солнца ликъ, и глубь земли,
Призывъ молитвеннаго звона
И эти въ морѣ корабли;

Мои—всѣ села надъ равниной,
Стога, возникшіе окрестъ,
Рѣка съ болтливою стремниной
И все былое этихъ мѣстъ...

Здѣсь для меня живутъ и ходятъ...
Мнѣ—свѣжесть волнъ, мнѣ—жаръ огня,
Туманы, даже, тѣ, что̀ бродятъ,—
И тѣ мои и для меня!

И въ этомъ чудномъ обладаньѣ,
Какъ инокъ, на исходѣ дней,
Пишу послѣднее сказанье,
Еще одно, другихъ яснѣй!

Пускай живое пѣснопѣнье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ,
Гдѣ можно—дастъ успокоенье
И никогда, ни въ чемъ не лжетъ.

184.

Что тутъ писано, писалъ совсѣмъ не я,—
Оставляла за собою жизнь моя;
Это—куколки отъ бабочекъ былыхъ,
Слѣдъ замѣтный превращеній временныхъ.

А души моей—что бабочки искать!
Хорошо теперь ей гдѣ-нибудь порхать,
Никогда ея, нигдѣ не обрѣсти,
Потому что въ ней, безпутной, нѣтъ пути...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

„Уголокъ“.

стр.

Море и сосны.

Изъ природы.

Времена года.

Изъ міра мыслей.

Къ будущей жизни.

Лирическія.

Поэзія.

Картинки.

Портреты.